

СМЕНА

N-8-9

20 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

ТЕА-ДЕКАДА

Никитин („Переплав“).

„ПЕРЕПЛАВ“ (Студия Малого театра)

Студии Малого театра никогда не ставила сцены только фотографировать жизнь. Давно, как театр устроил-реалистический природный обзор — «дебютальность» студии всегда желала чувствовать себя участницей окружающей жизни. Легкая комедия и водевиль в воплощении образов, выдумка и бьющая красочностью

в оформлении — вот лицо молодого, болшого и другого актерского коллектива студии.

Дмитрий Щеглов, взявшись показать, как в эпоху социалистического строительства переплаиваются все колеблющиеся и сомневающиеся, — и Никитин изобрел автомат для прокатного лома. Его же надо разложить: механизм препятствует его шурину — рабочему того же завода, находящемуся целиком во власти крестьянских настроений, старый мастер цеха, группа отсталых рабочих, из боязни сокращения по рационализации, жена Никитина, наконец, главный инженер Ельшин (завод).

Однако с помощью коммунисты женщины-инженера, сменившегося в ходе пьесы национальным инженером, и при деятельном участии коммунистов, старого и молодого рабочего завода, побела остается за Никитиным. Разработан проект расширения цеха, что создает возможность применить автомат, не производя сокращение рабочих рук. Инженер Ельшин кончает жизнь самоубийством.

Главный порок пьесы — недостаточная четкость вымыселных фраз, малая определенность действующих лиц. Но Ельшин, например, что побудило Ельшина стать предателем — его социальное происхождение или личные побуждения, известны? Непонятно также, почему рабочие перешли на сторону Никитина, до применения его автомата.

Следует отметить, что Д. Щеглову удаётся создавать конфликты, чем разрешать их, здесь у него многое нарочитого, надуманного, подчас искусственного. «Целое» исходит как бы не от непосредственных жизненных наблюдений, а больше от головы и книги.

Постановщики Каверина можно упрекнуть в одном: к чему этот надрыв, неестественное зевание, зевок в духе античного сопровождения, и в особом бреде Ельшина, особенно в начале спектакля, когда зритель, видя неспокойные движения работающего в полу暗闇е изобретателя, поднимается мимо атмосфере травли, которой в пьесе нет вовсе. Этот недостаток

Фом Минтель („Переплав“).

так, который следует Каверину немедленно устранить, ничуть не умаляет больших достоинств талантливой постановки, которая должна пленить красочностью и творческой выдумкой.

Очень хороши актеры: Савельев в роли немца-инженера и Иванов в роли хитрого мастера.

Но главное, выдержал ли театр экзамен на современность?

Выдержал, несомненно, выдержал.

ЧУДАК

(Второй Московский Художественный академический театр)

В пьесе «Чудак» противопоставлены два интеллигента. Если первый, потому что из них управляемы бумагой фабрики Горскому, карьеристу, неспособному ни жертвовать, ни подняться, то беспартийному интеллигенту в наше время осталась незавиднаячасть: платить профсоюзные взносы, подписываться на альбомы, аккуратно исполнять служебные обязанности, прислать письмо с собранными подписями Каменеву, который же работает в той же фабрике, Волгину — «тузаку» и энтузиаст, утверждает обратное: если беспартийный интеллигент считает дело социалистического строительства своим кровным делом, если он хочет ити в ногу с рабочим классом, то он всегда найдет возмож-

ность проявить общественную активность и революционную инициативу, — качества, которые и партии и общественность всегда высоко ценят.

Афиногенов берется доказать правильность утверждений Волгина. Для этого он ополчается против энтузиаста почти всех окружавших его директоров фабрик, председателей художественных советов, старую работницу, управлядами и, наконец, любовную женщину, которую затем постановлением суда и коллективным заявлением рабочих очистить Волгина от всех взвинчивых по его пре-ступлениям.

По пьесе «Чудак» не сразу догадаешься, что дело происходит в стране с диктаторской

пролетариата: в кружке энтузиастов, строящем будущий социализм, только Горские и Лозовские, а рабочего ядра не видят; сами рабочие, как-будто, боятся поднять голос в защиту Волгина и находят только одно средство для его защиты — подписанной лист. Совсем не показан рабочий класс, за которым борется, с которым ходят с ящиками «Чудака», неизбежно именуемым своим прозванием, а Волгин неожиданно для самого себя оказывается во главе общественности и геройски принимает на себя удары «злодеев» — представителей фабрикома и завоевания управления.

Р. Кудрев

Сцена из II акта („Чудак“).

Сцена из IV акта („Чудак“).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СИФИА

№ 8-9, март 1930 г.

Литературно-художественный, общественно-политический журнал рабочей молодежи.
Орган ЦК и МК ВЛКСМ — изд. „Молодая Гвардия“.

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая
площадь, 6. Издательство „Молодая Гвар-
дия“. Прием в редакции ежедневно
с 12 до 2 ч. дня. Тел. 2-35-26.

Ответственный редактор С. Кэмпрад.
Заведующий редакцией Я. Юдитский.

„СМЕНУ“—В МАССЫ!

Резолюция по докладу редакции „СМЕНЫ“
на слете военкоров ячеек ВЛКСМ Москвы.
23 марта 1930 г.

1. Заслушав доклад представителя редакции «СМЕНА», слет военкоров ячеек ВЛКСМ Москвы отвечает, что распустяшая популарность единственного в области массового комсомольского журнала «СМЕНА» обеспечивает возможность использования его в работе по военному воспитанию комсомольцев и рабочей молодежи.

пополнению комсомольцев и рабочих молодежи.
2. Олег Евгеньевич считает, что, «СМЕНА И НА» должны систематически освещать на своих страницах военную работу ячеек, жизнь и быт Красной армии и флота, воспитывая рабочую молодежь на героических примерах гражданской войны и подгото- вляя новые кадры для будущих классовых борьб в СССР».

боев и обороны СССР.

3. Привлекать практические штабы «СМЕНЫ» в дела помощи ячейкам в их военной работе, выражающим конкретные результаты в отчислении пятачка со спецномера «СМЕНЫ» и пятипроцентной отчисления с подписанной платы на «СМЕНУ⁴ в фонд подводной лодки в период кампании.

4. Следует считать необходимым, чтобы военкоры приняли самое энергичное и непосредственное участие в кампании по распространению «СМЕНИ!».

5. В этих целях необходимо увязывать свою работу по сбору средств и мобилизации внимания комсомольцев вокруг постройки пограничной линии с работой органов

строики подводной лодки с работой организаторов по печати в ячейках.

6. В качестве одной из форм работы слет рекомендуется организовывать «вечеринки „Смены“ на предприятиях под основными лозунгами „сбора средств на подводную лодку и повышения военных знаний“. Редакция предлагает мобилизовать литераторы-смолян для обслуживания таких вечеров.

7. Следует приветствовать решение редакции посыпать 60 представителей ячеек, давших лучшие результаты в деле выполнения контрольных заданий, в гости к краснофлотцам в Кронштадт.

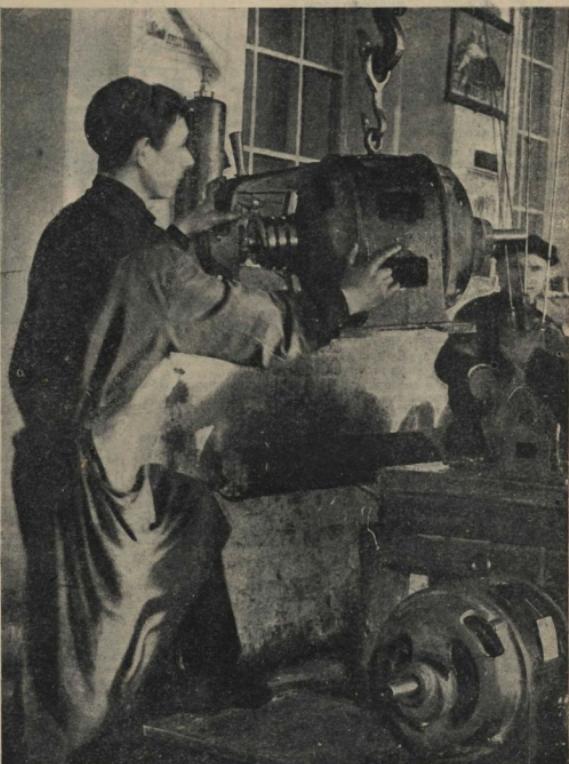
8. Военорги должны добиваться, чтобы ячейка получила возможность послать в Кронштадт возможно большее число читателей "СМЕНЫ".

9. Слёт берет на себя обязательство что все военоры, в первую голову подпишутся на журнал "СМЕНА", показав этим пример практического выполнения решений МК ВЛКСМ.

Фото на обложке: На скамье хлопка

См. рисок «Советский хлебок»

ГОД СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

Учебник на заводе им. Церса

Приближается первая годовщина социалистического соревнования. Год работы по-новому, работы социалистическими методами принес, несмотря на все, что задерживало победные темпы социалистического строительства этого года, огромные результаты.

Они выражаются не только в хозяйственных достижениях в отдельных отраслях нашей промышленности. Они характеризуются тем, что массы вплотную подошли к управлению промышленностью, что в массах неизмеримо выше, чем раньше, чувствуется заинтересованность в успехах нашей социалистической индустрии. Ударное движение воспитало новое отношение к труду, оно передало людей, породило новый тип социалистического рабочего, для которого успех и неуспех предприятия являются личными успехами, личной потерей.

От ударных бригад к ударным цехам и заводам — таков путь развития социалистического соревнования.

Рост классовой сознательности, рост производственной и общественной активности, работа коллективом с общим заработком и общим котлом расчищает путь к созданию завода-коммуны, расчищает дорогу победному шествию коммунизма.

В этом номере мы печатаем очерк З. Поляковой "Завод коммуны". Работа этого завода служит выражением тех грандиозных процессов, которые принес нам год социалистического соревнования.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

(Из повести «ПЕРЕРОСТОК»)

А. Темир

Рис. В. ЛЮШИНА

Долой полугодливую жизнь! Да здравствует красный инженер Алексей Тучин.

Стипендиат Тучина досталась новому пролетарию как переходящий приз.

Знаешь ли ты, что такое «голодный ремень»? Он был верным спутником Алексея Тучина до третьего курса. С третьего стало легче — подвертывалася работа, брачкало в карманах, можно было ходить днем и вечером, на курсе «полудоливы» — ремень действовал двояко — Алексей Тучин попал в институт. Тут было не до работы на стороне. «Хорошо еще, что я не в комсомоле», — утешал он себя, — совсем бы дыхнуть было некогда; во время сообразил, не пошел к нам, понял, что с учебой не совместишь...».

— Все в будущем, — говорили вокруг него. — Нагони! Есть еще время. Будет.

В полулетней комнате студенческого общежития воздух был сперт, как в конюшне, подолгу утикал мусор, окружи, осколки, гравь...

— Все блага в будущем, — говорили вокруг. — Каждый день — вину красному специалисту!

Улицы шумные и светлые от пробега молча, стиснув зубы. Женщины розовых, смешливых, сторопань, как богатых гастроно-мических витрины. По ночам лежал, вынувшись из жесткой койке; тело ялы, голова горела, рот был горяч.

— Все в будущем, — говорили вокруг. — Нагони и никакого воздушного.

Будущее наступило поздним летом. Это было чудо превращения будущего в настояще. Ближайшее было решено. На присланые завоуправление деньги он оделся, накупил чепуры, пошел в театр — стало скучно от потерянного времени, а в ресторане дали какую-то подметку, полную сукровики, и дожные шары, вывалившиеся в чём-то сладком. Заплатив два рубля, Алексей ужаснулся. Собственно, будущее уже наступило. «Не приспособился, — решил он. — Приобщу, пойдет».

Через три дня он дома.

— А ну, поверни-ха, сынку, — сказал Тучин Геннадий, после обычных приветствий. — Еле! — удовлетворительно добавил он, не сводя глаз с молотков на фуражке. — Добрый дядю! Ну, сынку, не подавай! Не осрамь батьку. На вас все надежа.

Шестой месяц Алексей работает в доменном цехе.

1 февраля, в день такой же шумный, горячий и чёрный, как остальные, стукнуло полгода работе Алексея в доменном цеху.

Он вспомнил об этом, возвращаясь с завода домой. Рядом с ним, первыми и позади него или знакомой походкой пропеченные углем люди, с которыми он работал и жил. Знакомыми голосами они переговаривались о знакомых вещах: пеки, ремни, снижение расшивок, деревни, погода, новые дома. И Алексей еще мущительнее и острее ощутил тоску, которая владела им последнее время.

Дома, в спальне, где он впервые жил в этом месте и пришел. Свою работу он любил, даже увлекался. И вспомнил ИТС было равно довольно ли единственный на заводе молодым, красивым специалистом. Подделываться под рабочих, как выражалась инженер Хорецкий, ему не приходилось: он сам был из рабочих среды. Жил Тучин у своего отца в унылой квартире, пропахшей сырьем, деревом, пылью, сажей. Соседи, с которых он метал, бывало, мыльчиком и сапожком. Да со стороны социального происхождения у Алексея Тучина было более, чем благополучно!

«Эта дурацкая тоска от того, что я стал на производство, ни капли не отложив от учебы, — думал он, — эта преждевременная усталость, неврастения. Кроме того, у меня нет никаких развлечений, кроме работы, работы, работы. И кроме работы, кроме разговоров с рабочими, клуба и кино... Но я слушаюсь, он говорит, — о себе, что эти «разговоры с рабочими», этот клуб и массовое кино скучны для него, как детские кубики для взрослеющего мальчишки. «Это мне не по возрасту», — определил Тучин, — я вырос «из своей среды», получив знания, отполирован мозг! Мне нужно другое...», — он не знал сам.

Когда завод был вызван на соревнование, Тучин словно проснулся. Он оказался в первых рядах, его называли застрельщиком, рабочие гордились им. Несколько недель он прожил в сладком тумане, как взлобленный или игрок. Игрошки он и чувствование себя, американским спортсменом. Потом пришла просрочка. Соревнование тоже имело свои будни, и будни эти не удовлетворяли Тучина. Если бы его спросили о значении соревнования для пятилетки и о значении пятилетки для социалистического строительства, он бы не мог

На четвертом курсе ремень действовал до отказа.

ответить. Но никто его об этом не спрашивал, кроме световой исполнительницы в рабочем клубе, а здесь, к счастью, можно было не отвечать. С ней разговаривали по душам только рабочие, безшибочно истолковывали штепселя и бесконечно довольные своим каждым удачным ответом.

В день, когда инженеру Тучину стукнуло шесть месяцев, отец ческоиздано и нелепо подарил ему хорошую ножную рубаху из ряжего шелкового полотна, купленную в царкаюко и очень модную у заводской молодежи. Рубаха стояла восемь рублей двадцать копеек и подорвал трону Алексея до слез.

— Носяй, сынок, — сказал старик, — расти. Ты, сынок, ныне ровно полтора года, — именинник. Ес ты, трудовой инженер, голова береги, — сказал отец, — и тебе избавится от скуки, из «мужицкой», ныне почеловка отца, а про себя подумай:

«Надо мне найти для себя новое обществе. Хватит!»

«...Ты — пролетарий, Алексей Тучин, ты хозяин, ты — строитель социализма, не шуты с этим, вспомни газеты, речи, демонстрации», промелькнула досужая мысль и тотчас же потонула в хаосе других...

Плотный, розовый, свежий, еще молодой человек, с незначительными карими глазами, прекрасно спитый kostom, шуба, с котиковым воротником, инженерская фуражка, любезный, звучный голос, высокая, как ярд, женщина с жемчужинами серегами в ушах, загорячий большой портфель, круглая, как валик, собака корешной породы, зубочистка, изящные пакеты с покупками — все это вместе взятое было инженер Хорецкий, Сергей Андреевич, видный специалист.

В жизни каждого заводского комсомольца-активиста обязательно был период ненависти к Хорецкому. В этот период активист подозревал Хорецкого во вредительстве, с увлечением следил за ним и бранд, по чьем ар, в товарищеской среде. Старые рабочие тоже Хорецкого не любили, уз очен прямолиней и непримличив чистым казался он среди дымы, масла и огня. Он казался даже каким-то не живым ненасыщющим, как кукла. Он походил на иностранца, не знающего ни слова на рабочем языке.

Инженер знал об этом. Сходство с иностранцем было его социальной защитной окраской, оградой от споров, недоразумений и склок.

— Главное — личная жизнь, — говорил Хорецкий, когда хотелось показать способность. Нет такого завода, никакого строя, никакого правительства. Есть только личная жизнь, свой дом; человек должен избегать болезней.

Хорецкий и Алексей сидели друг против друга в пустой комнате. Тучин пошел на сближение первым, еще несколько шагов лицу тому назад. Как ни странно, Хорецкий ему нравился. Такие розовые, блестящие и чистым представлялась еще полгода тому назад Алексею заманчивое «будущее».

Алексей нравился Хорецкому тем, что мог быть при случае весьма полезен своим красивым авторитетом, и тем еще, что внезапная симпатия пролетариата, может быть, даже большевика, к Хорецкому была редкостью сама по себе.

— Вы открыты, однако, Сергей Андреевич! — усмехнулся Тучин.

Хорецкий прищурился:

— Я, молодой коллега, слишком уверен в своей полезности, чтобы изворачиваться и лгать. Я всегда честен, молодой коллега, — слишком много хлопот причиняет ложь.

Он был почти искренен, под впечатлением прекрасного обеда и нежного прошения с одной из подруг жизни. И эта самодовольная искренность положила начало приятельству между ним и Алексеем. Надин с собой Хорецкий квалифицировал это приятельство как «дачное знакомство». Дачными знакомствами называл он полупрерванные все свое ряда друзей с «красными» людьми.

Тучин стал бывать у Хорецкого. В его притянутой и блестящей квартире с душевным, легким воздухом, красными вещами, хорошим настроением после дня напряженной работы засыпался быстрее. Жена Алексея Андреевича была не похожа на прочих женщин. Не слишком красивая, немолодая, какого то заграничного типа, который может пользоваться успехом только у любителей, совершенно неприятельская для Алексея, как женщина, она тем не менее удивительно скрашивала его вечера. Она угощала его печененым, тавшим по рту. Она приучила его ко многим понятиям, о которых раньше он как-то никогда не думал — таким понятиям, как «жизненность», «язычество», «мокса».

У Тучина были две малые лодыжки, смете, как картины, молодой человек в больших роговых очках и с новыми книгами за падных писателей, старый профессор ботаники, которому принадлежала когда-то большая доля напряга городского склада. Среди них Алексей Рубчин, инженер, красный специалист, чувствовал себя просто рабочим, уинзительный стеснялся своих рук, боялся много говорить. У Хорецкого был наложен домашний запрет на беседы о политике и о производстве. Даже вопросы техники, хозяйства интересовали мало, все наименки Тучина на спасовские темы мягко обрывали. Дома Тучин, конечно, и досадой старался помять книжки, которые брали из полки у юноши в очках. Но эти книжки, рассказывающие странным языком о людях, занятых странными перекличками, были ему так же непонятны, как его технические книги для старого Тучина — отца.

Однажды на заводе, перед собранием, к Тучину подошел предзаквом Риднов, с которым он подружился с первых недель своей работы на заводе.

— Ты чего это с Хорецким связался? — спросил он скорей удивленно, чем резко. Отрыгиваясь от масла, братишка-спец, глядя! Но это был нественный человек Хорецкий! Ты бы лучше с Граббе познакомился. Хоть не наш, а молодец.

Тучин всхлипнул.

«Жи не ли ты интересней для меня?», захотелось ему крикнуть, но он сдержался и добродушно ответил:

— Брось, твои Риднов. Ничуть я не связывался. Занятно мне пошучать, как коренной спец живет.

— Классовый враг, то есть... — сказывал предзаквом.

Алексей отошел, сконфуженно ухмыльнувшись и бормоча:

— Ну уж и классовый враг! Не винимайся, не воруй, братишка... Но вот тебе глубоко вспомнилось о городе, забытом, задремавшем, былое занюлое тоской. Как бывает в бою после контузии, он почувствовал удар только несколько часов спустя, ночью...

«Ведь, Хорецкий — это и есть так называемый старый специалист, из тех, которые ставят нам столько палок в колеса, гадят на каждом шагу... Ведь, это враждебно всем, что меня туда тянет!» Он позывался об этом впервые и тотчас же попытался оборвать себя: — Пустяки. Кто знает, что для нас, специалистов, нет никакого культурного обслуживания, что мы вынуждены сами развлекать себя? Не может быть такого, чтобы, сидя в кабинете, рефлексологично жалеть о технике... Он готов уже был успокоиться, но его словно варом, обдала другая мысль. Ко мне чего доброго начнется теперь отношение на заводе... и теперь уж никак нельзя, извиняю одеться; придется ходить музыком». Алексей Тучин плохо спал эту ночь. На другой день на работе он был угром и раздражителен. У Хорецкого был выходной день; он присыпал с прислугой приглашение не маленькой семейной музыкальной вечеринке. Тучин ответил, что не будет. Вечером же он тщательно почистил костюм, с отвращением поддел винтажную рубашку, подперев ее руками, и пополнил глухие поездушки. Отношения с Хорецкими приобретали озарение запретности и страха. Алексей чувствовал себя словно замешанным в каком-то темном деле; несколько мгновений ему хотелось повернуть назад.

«Глупости! Вредитель я, что ли!» — мысленно обругал он себя и вошел в вестибюль.

— Мне все равно — Ленин, Наполеон, Перика. Тот, кто первый понял, что в мире должен быть строгий план, — тот благодетель человечества. Человечеству необходимо единое мировое хозяйство, стройное, как машина. Только великое рационализацией, великое международное хозяйственное системой может быть спасен мир!

Старик Граббе на мгновение задохнулся и отдерг сидя усмехнувшись бледнотой.

«Чудак-человек! — добродушно усмехнулся Хорецкий.

Остальные глядели на Граббе со смесью уважения и насмешки. Слезы, в ясном апельсиновом свете гостинных ламп, внешнее чудесство стариков бросалось в глаза еще больше, чем на заводе, где все как-то привыкли к его неряшеству, к поборанным ботинкам, мокрым усам, бахроме несвежих манжет и мудреным беседам. Граббе был буквально помешан на плановости и разговаривал о ней томом не то актера, не то попа. На работе он горел, не зная ни отдыха, ни

передышки. Граббе был в обращении с рабочими прост, общался в рабочей столовой, распивал чай с заводским сторожем, таким же неряхой и болбым, как и он сам. И, несмотря на все это, старика-инженера не любили на заводе; он считался непонятным и «чужаком». Эта неприязнь, усугубляясь тем, что Граббе до седьмого пота «выгоняла темпы». В выполнении плана старик был неумолим.

Алексея тоже раздражал его сварливый фанатизм. Сейчас старик определенно портил семейный вечерок у Хорецкого, к которому неудачно зашел с визитом и остался чесавать. Хозяин осторожно поддел его:

— За излишний энтузиазм штраф, дорогой Граббе, штраф!

У нас, у порядочных, теперь изоборот стало: потехе — время, делу — час!

Эффект был неожиданно силен.

Граббе поднялся, весь побагровев; у него дрожали колени. Эльвира Георгиевна, жена Хорецкого, собралась было, судя по выражению ее острого лица, сказать ему что-нибудь ласковое, но было уже поздно.

Я позвал его сама заметил, что порядочность — самое растяжимое из слов, — хрюкнул пронесший старик, — только тот порядочен в наше время, кто работает, как вол. Я мешаю потехе, и я уйду. Теперь груст покраснея хозяин; ему было бы неприятно проплыть невежей в своем кругу.

— Да, ведь, я пошутила, Козьма Эдуардович! — бросился он к гостю.

Все компания привилась преувеличивать увещевать старика.

Но Граббе, уже надевавший в коридоре свою раздолбанные галоши, чевакино, шел на разрыв:

— Я ухожу, я ухожу, дорогой коллега, с единственной целью заявить протест. Да, протест, против поехах, которыми вы срываете мое рабочее на заводе.

Он ушел, продолкая ворчать и хлопнув дверьми.

Вечеринка у Хорецких была немного испорчена.

Внеочередное заседание в кабинете директора обещало быть бурным с самого начала. Предзаквом рассказал Тучину, что старик Граббе подал заявление, в котором обвиняет мартеоновцев в разгильдяйстве, дезорганизации и срыве общего плана. Обвинять таким

— А ну-ка, поверни, синки, — сказал Тучин Геннадий.

малером марленовский, значило указывать лично на Хорецкого, который им руководил. Подобный выход со стороны специалиста против специалистов же был чем-то еще неслыханным на производстве.

Тучин, удивленный все прелестей время стечением иностранных авторов и мартеновских рабочих, подумал, что это производственное сознание. Он также все рече и реже заходил в завод.

Вопрос о постоянном отставании этого цеха давно волновал и чекиб, и звяком, и директора. Представитель цехчеки Смолин и чехог давно обещали подтянуться. Но время шло, а рельсопропатный пожрежему был вынужден итти на тормозах из-за отсутствия современной подачи из мартеновского. Показатели соревнования были одинаковы для всех цехов для общего ремонта, кроме цеха дымоходов и цехчеки ремонтов. Смолин обвинил рабочих.

На заседании Хорецкий несколько изменил свою обычной склерантности. Для начала он явно обвинил Граббе в сведении личных счетов. Заметив по усмешкам на лицах заседающих, что прогадал, он бросил звонко и веско:

— Тов. Граббе может усмотреть мою вину в том, что я и выжимаю из рабочих кровавого пороха! Те времена прошли, тов. Граббе, когда было легко.

Это было метко. Старик Граббе конфликтовал не раз профсоюз. Но бирючки на удочку не поддались, сумело сразу же оценить маневр Хорецкого по достоинству:

— Не по существу, — покачал головой директор.

Секретарь чекиб вопросом слово:

— Товарищ инженер ошибается, принимая вопрос о недостатках из рабочих мартеновского цеха как личное обвинение. Тов. Хорецкого и бесполезно обвинять. Мы только хотели бы обсудить, совместно с ним, положение в цеху.

На коре шапка горит, — пропагандист Смолин.

Хорецкий ушился и слегка покраснел. Овладев собой, он попросил Граббе формулировать точно пункты придирки к цеху.

С фактическими данными в руках старик стал обвинять Хорецкого в бесполезной системе нагружки и попустительстве ослаблению темпов.

Хорецкий пытался оправдываться всеми теми же бесцементными ремонтами и изношенностями оборудования. Наконец, взбешенный,

он почти закричал о невозможности соблюсти чудовищные темпы и выполнить сумасшедшие задания.

— Чего доброго, — пропагандист директор, — уж не предложите ли вы вновь перевести мартеновский на генеральную ремонт?

Радиоречиный Хорецкий не рассыпал в вопросе ехидства.

— Да, — поспешил радостно ответить он, — предложу!

Скажите прямо — на консервацию! — злорадно расхохотался Граббе.

Алексей Тучин словно что-то ударило в сердце. Каждый ответ Хорецкого собранию был для молодого инженера ответом на какой-то неосознанный, глубоко-личный вопрос. Простое домашнее занятие, каким-то образом связанным с профессией чужим по клетку, вырастало почему-то во «внешнюю политику», и Алексей не мог понять, почему. Сейчас слово «консервация», в шутку брошенное Граббе, причинило Тучину почти физическую боль. Это было зловредное слово, будившее у всякого рабочего представления о грозных и дорогих годах. Нервы у Алексея были расхлебаны, и Хорецкий превеличенно вырастал в его глазах чуть ли не во вредителя, в открытого врага. Тучину болезненно казалось, будто все «свои» заседающие старые рабочие, кроме Граббе, только и делают, что отгоняют молодого красавца спеленгом, связывают кадесовыми лентами, разложили, изменили позунгам. Когда после Хорецкого заговорили чехог и члены цехчеки мартеновского, Алексей вздохнул свободней. Граббе оказывалася кое в чем неправ, и небольшая часть вины ложилась и на объективные условия.

Тучин ушел, не дожидаясь конца собрания. Он боялся, что Хорецкий подойдет к нему и по-приятельски заговорит. Уже отойдя немножко от территории завода, Алексей подумал, что его уход может быть должно истолковано ребятами, как наплевательство и равнодушие к заводским делам, но вернуться не решался.

Сближение Тучина с Граббе было реакцией на уютные вечера в оливковой гостиной и на мальчишескую нескромность перед свони, особенно Рядовыми, к которому Алексея снова непреродолично по тянуло. Граббе жил одиноко и грязно. Каким стал его быт во времена военного коммунизма, таким и остался. До революции,

Среди них Алексей Тучин чувствовал себя простым рабочим...

говорят, он существовал также одиноко, но богато и комфортабельно. Сам он ничуть не жалел о своей цепкой библиотеке и строгой кабинете, когда мог. Но для Бояна он был всего лишь идеалистом, почти мистиком, посвятившим свою жизнь изучению на высокие и туманные темы. Его план мирового хозяйства, служивший предметом стольких шуток и острот и даже неизвестных на бумаге, представлял собой довольно наивную, беспочвенную утопию, в которой презрительно выпускался из виду социальный строй и заманчивались политические вопросы. План базировался, конечно, на высоком нравственном уровне и моральном неприменимости человеческого общества, пропагандировавших достижениях техники через несколько десятилетий. У Граббе было характер изобретателя без изобретений, организатора без инициативы, диктатора без идеологии. Редкий случай его была высшая математика, не применившая в расчет ни людей, ни жизни. В производственной практике Граббе был крайним и безоговорочным сторонником Форда.

— Рабочий — машина, и рабочий для машины, — проповедовал он.

Алексей проводил с Граббе долгие, тусклые вечера в холодной комнате, полной пыли и сора. Старик любил поучать. Там, где его поучения касались технического опыта, они были интересны. Он привык к Алексею привязанностью слабого и честолюбивого неудачника к слушателю, полному сил. Это нравилось Тучину. Постепенно Алексей, чувствовавший себя разочарованным и несправедливо обиженным, втянулся в холодную и безжизненную философию старика.

— Интеллигент — хозяин мира, — говорил старик. — Тысячи жертв должна принести народная масса, чтобы сохранить каждого истинного интеллигента. Революция прошла лишь для того, чтобы выдвинуть новую интелигенцию на смену отжившей старой. Править миром всегда будут самые умные.

Это лягство Алексея оправдывало его в собственных глазах. Но это же лягство было и причиной его бледнорумы и злобы.

«Даром я учился, что ли, столько лет, чтобы остаться простым рабочим?» Постепенно Тучин еще более отдался от старых друзей, от закром и яицек. Теперь он гордился своим одиночеством, но не переставал от него страдать. Ощущение оторванности делало его жалким. С огромной жаждой к работе он снова окунулся в соревнования; но работа, потерявшая прежний смысл, казалась мертвой, бесплодной. Даже отец заметил в Алексее перемены, которую пришел ему в голову.

Рядом появлялись друзья, с которыми Тучин еще был. Тот снова через силу отшатнулся, и предзаката отошел. Он решил не трогать больше Алексея, тем более, что на сторожий взгляд молодой инженер мог быть назван примером беззаботного строителя социализма.

Однажды Граббе, радостно взволнованный, сообщил Тучину новость: бывшие друзья старика приглашали в Америку. Он был неизвестен в этот вечер, горячо и молодо рассказывая о чудесах западного сооружения и о лабораторной работе.

— А единственный, кто не пригласил меня, — другое удивление, Алексей, увереный, что ни в какую Америку Граббе не поедет.

Старик немножко смущился, потом тихо сказал:

— Я — стар. Создавайтесь его, молодые. Кроме того, молодой коллега, сторонник единого плана, можно быть в любой стране, он может быть солдат и при некоторых формах капитализма! Столетия рабочего — столетия поздней!

Алексей, раздраженный таким отношением, поклонился Граббе и вышел. На крыльце он остановился, чтобы погладить по глухим вечерним окраинам. Он был почти физически противен себе. Это ощущение Алексея пытался объяснить нервами. Но самобрана не удавалася. Вернувшись домой, он кинулся, не раздеваясь, на постель и заснул тяжелым сном.

Здравствуй, туча темная! — так начиналось письмо. — Итак, стыд мы — побеги оба краинские специалисты, опоры, надежды и пр. Устроили в Америке склонение к социализму в Ташкенте, городе хлебом. Наблюдал советский Восток, стоял у западных машин, читало московские газеты и собственное боледование.

Надо тебе сказать, что дело наши трудное. И года не прошло, как мы окончили с тобой вуз, а разочарованный и дум хватит у меня на десять. Отстал я от своих, Алексей, а к чужим пристраст не хочу. А хорошо живут чужие, Алексея, сладко, самодовольно живут! Думаю, даже одна время плохи на все времена, жажде подавлять, чрезмерную, пылкую, чрезмерную отвагу общественности, стать разом, чипчики, желудка и первых себе общественностью не постыд. Не вышли. Кровь у нас не та, туча, кость не та. Бросились в соревнование, как в ледянную воду, — и выплыли.

До порта мне интересно, Алексей, как у тебя. Ведь, ты на за- воде не одинок, у тебя отец рабочий, старые приятели детские воспоминания. А мне было не легко. Участок у нас более отсталый, масса машин, старых, изношенных, неисправимых. Их надо было из этого корыстного национализма, надо в самую душу ласять. Завод, члены — все словно из другого мира. Поехать в дамы отдача за город, и природа какая-то: нет тебе елок-палок, ни берес.

Из молодых спесей на завод все и одни. Старые одни другого рваче, контролеровские. Только интересов у них, что коман- дировочные, проездные, климатические, отпускные. Но-и-дело следы вредительства. Нашими подробней в следующем письме, а то не знаю, как ответишь на это.

Ну, пока. Коротко и кулоышло. Коли отвечаешь, напиши о личном, о девочке, которую Лина зовут, о многом другом.

Прощай пока.

Старик стал обвинять Хореко.

С. И. Артемов.

Р. С. А я думаю, Тучин, ты уже в партии и завидую тебе. Рекомендаций у тебя, небось, тьма. На твоем месте, эх, на твоем месте...

А, может, Алексей, все там будем.

С. А.»

Алексей Тучин вошел в залком и сел на подоконник. Стул из-под Ряжкова был занят Зиянином. У стены стоял, разглядывая Ряжкова, старик Тучин.

Ряжков прегородил проход с секретарем ячеек и вопросительно повернулся к Алексею. Предзакома отвела от него и видел перед собой только инженера Тучина, пришедшего официально по какому-нибудь короткому делу.

— Ты кончай, — сказал Алексей, — я успею.

Гогда повернулся к нему и секретарь ячеек:

— Пожалуйста, — любезно сказал он, — а мы после потолкуем, — он продолжал ласково глядеть на Тучина. — «Чего уставался?» — удивился Алексей. В этой любезности себе, как к спцу, нужному, чужому человеку, он видел приговор себе.

Предзакома почесал бровь:

— Что это вас, тебя, не видно было, Тучин, а?

Алексей прищурился чуть недружелюбно:

— Не видно отчего? Да разложили, говоришь. — Поглядев мочла на выжидающие лица, он бросил Зиянину с неизданной гордостью и злобой: — А теперь пришел тебе на твои же заявления подавать.

Лицо Зиянина стало внимательным и злым: «Чего еще выкинуть собираешь?» — подумала он. — Наверное, скажет, чего доброго, как Граббе, что мы работе мешаем, отываем от дела рабочих, или еще что?»

Подавляя, товарищ инженер, разберемся, обсудим, — сдержанно сказал он вслух, — а нельзя ли узнать, в чем дело у вас?

Тучин подошел к столу.

— Честно, можешь, почему не узнать? — Он сам удивился своему простодушному рабочему языку. — Ты же знаешь. Всю какая музыка, товарищ! Я тебя спросить хочу, как это угодно учиться, что меня, так сказать, героя дядя, яичника бросает, как беспаризорного? Подкидышембросают под чужие двери. Путаюсь я, путаюсь сам, по себе, все первы себе вымощат, а где поддерека? Где это самое воспитание, руководство... — хвастались, небось? Теперь, как от сифилитика, бегаешь: мы тебе, мол, милый, уж не коснемся, не касайся только ты нас...

Зиягин встал, растерявшийся от неожиданности.

— Вот д-е-эль! — протянула пораженный Птенец.

Риднов был почти восхищен Тучином, хотя еще не успел даже хорошошко разобрать, в чем суть. Во всяком случае такого ему не приходилось слышать.

— Это у вас в роде самобичевания, товарищ, — с сомнением покачал головой Зиягин, не переходя на ты, — а на яичной зря валил, зря, — он разогрязился: — Вам, брат, и книги в руки, вам-то быть сознательными, а не наивными! Итак! Во втузе, нефть, комсомолка, баб, за то да возводят! А я, товарищ, из простых рабочих состоял, она вам слово, вам ей стоя! Мы я вас учить будем, коли вы через ясе полиграфии прошли, а нас спроси, что за Амстердамский конгресс такой, — не ответим! Что я тебе Ленина цитировать буду? Без меня читал. Не вступаешь в партию, значит, знаешь, почему. Мог, ведь, комсомольцем притти из втуза, а то и партийцем. Вас пускай учений марксист агитирует, а у меня другого народу много. Вон тысячу парней из деревни пора пришла обрабатывать. Беспартийные спеша без нашей зунички проживут.

Довольный своей отповедью, он закурил. Тучин стоял, закусив добела губу и нахмурившись.

— Это у них неправ, положим, — глухо сказал Зиягин Риднов и замолчал, обмозговывая что-то.

— Да... а, — снова прогнулся Птенец.

— Что же это во втузе смотрели? — продолжал Зиягин спокойно, но склоняясь высокомерно. — Или это тоже я виноват, что там в вас партчики сидят?

— А то как же, — вызывающе ответил Тучин, — и ты.

В сущности, он ощущал уже невыносимую неловкость. «Как мальчишка, как пионер, — думал он, — пришел с голой душой...»

Когда Тучин вспомнил о будущем, то представлял его печать в роли будущего семейного счастья. Единственное недостаток в нем — это уверенность в том, что ребята должны быть страшно попользованы. Штука ли, целый спец, молодой талантливый беспаризорный никенер несет свои сомнения и горести в рабочую яичную. Но теперь лицо Зиягина, ставшее сразу каким-то неприятным и чуждым, отталкивало Алексея.

Риднов заговорил, упорно глядя недавнему приятелю в глаза:

— Это Зиягин, по-моему, не то говорит, что надо. Я тебя, Тучин, о другом хотел спросить. Ну вот хотя бы. Сейчас у нас на заводе соревнование, ты участвуешь в нем, даже очень, ты, фактически близок к массам. Или вот строится заводской поселок; ты, вероятно, как все, будешь жить в нем. Или тебе придется один день на сидении одиничник, там нечто общее возникло, возникла некая рабочая масса, все не выносит тебя на прямую дорожку. Ежели общий подъем не выносит, мы одни, брат, не вынесем, уж это так.

Тучин мучительно почувствовал его правоту: «Кинулся в соревнование, как в ледянную воду, и выплыл», — заинстинктивно вспомнились слова письма. Но слишком резко было обрада на разводящие, на легкомысленное презрение, как ему казалось, к его оголенной искренности.

— Ну, я пошел, — спокойно сказал Зиягин и, не поглядев даже на Тучина, направился к дверям. Ни порог он задергался.

— Так поставить, что ли, ваш вопрос на яичке, товарищ? Надо бы только уж сформировать, как следует, а то не поймешь даже вас, что к чему.

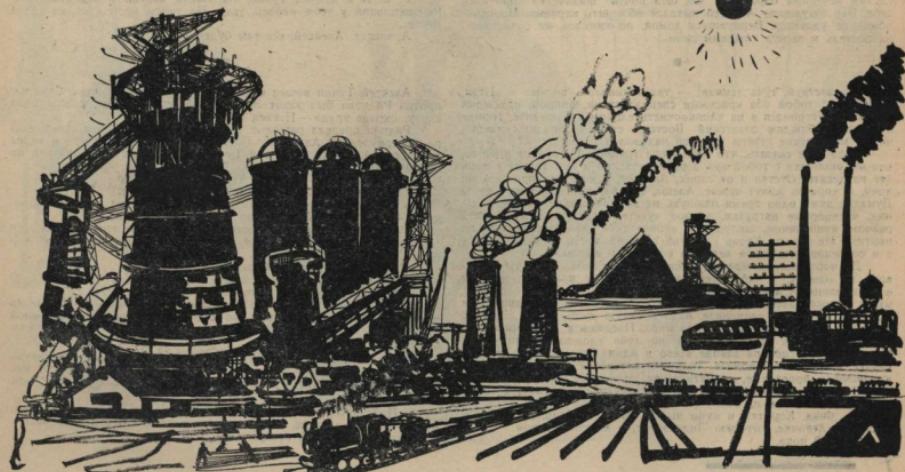
— Не стоит, — выдавил из себя Тучин, — потому что сформировано не сумею.

Зиягин ушел.

— Ты только не обижайся, брат, — начал было Риднов. Но Алексей махнул рукой.

— Я вот о вступлении в партию заявление хочу подать, — с усилием произнес он, — там уж, в партии, то есть, и поговорим обо всем, ежели примете.

И, смущившись, он затворился в цех.

Ив. Молчанов

Рис. И. РАБИЧЕВА

Я уже не молод: pena у виска
С каждым годом становится белей.
Я уже не молод: моя рука
Стало подъем тяжелей.
Но я еще крепок. И, чорт побери,
Если я в работе отстану на шаг!
В окнах я не погаско зарево зари,—
Успеем побеседовать по-душиам.
Видишь эти руки? Мозголи не счесть!
Сабельные шрамы—голос имени:
Это—семнадцатый, на левом плече,
Это—восемнадцатый, старина!
Горючи говорят: «Чорт, герой я не был!
Если все героя, герой я не был!
Видишь ли, под нашим треснувшим небом
Каждый сталь героям неслыханных побег!
Что ж? Дранясь с Деникиным, колотили
Миладера,

Время нас кидало чорт знает куда!
Миладеру с Деникиним шеи намяли,
Кровушка кипела — книпотуз-вода!
Дело в Деникине. Больные тут воды бы...
Вернулся, поклонился, на завод.
Миладеру: «Чорт, ты родной! Всегда любом!
Чортова развалина, сухин кот!
Печь не работают!. Елань паки!
Я же истопник. Знаешь, что-ж? Без дед?
Братва лудит кастрюли, точит зажигалки,
Каждый для себя... Кто что умеет!
Соль в глаза ударила, пересохло в горле.
Что же это думают, куда мы идем?
Саником, понимаешь ли, к сердцу при-
перло;

Выругалася крепко, нау в заявке,
Так, мол, и так, мол—говорят ребята—
Сил нехватает, в работе застое.
Кой-каких ухолзали пули да гранаты...
Что ты будешь делать? Хоть волком вой!
Мешочинкам-им налевалася на работу,
Были бы набиты картошкой кишки!

Туго, понимаешь ли, приились заводу,
Голова не деряится, хоть к чорту беги!
Тут еще царянина приились за дело...
Был в царянина по-твоему коньком.
Страшная морда тело поразила,
Вскрикнула, не ко времени старые рубы,
Еле с ними справилась.
Завод отстояла, дружине, задымила!

Целую неделю бродила я, как пыней,
Радость удержать нехватило сил!
Время говорило: радуйся покудова!
Взялся я за книги, думало: бузаз!
Тут вспомнил я про чистоту...

Чувствую, что в грамоте—ни аза в глаза!
Вот, ведь окаянна! Скажи ты на милость!
Мозг перекочевывал и не спал ночей.
С каждую буквой сражалася приходилось:
Труднее, чем с десятком белых сволочей!
Грамота—грамотой, но грамотности мало:
Надо и в работе быть впереди.

Стал я в ту пору токарь по металлу,
Сердце подпрыгивало ли, скакет в груди!
Так получилось, что дело с рабочаком
Выгорело кстати...
Даешь, говорю,
Ставь, говорю, сознательность на-кон,
Дуй без передышки к мировому Октябрю!

Словно бы летели при попутном ветре я,

Пер, что называется, нельзя передохнуть!

Врос, понимаешь, с головой в тригоно-

метрию,

В дебри экономики прокладывал путь!

Что там военная бури-иеногода!

По сравнению с этой...

Была пустынью!

Стал, понимаешь ли,

Директором завода,

На котором раньше...
Был истопником:
Когда в дверь с изумлением вошла русской:
Работы не доставляло, что я говорить!
Двадцать четыре — под полную нагрузку.
Суток не хватало, чорт их побери!
Прошел я взвеси...
Приезжала делегация,

Не знали эти, что пороху не знали,

Не знали эпохи газовых атак?

Хоромо... Пускай-бог...

Но спрашивали едва ли,

Навыку-то крохи... Дело — табак...

Возьмем комсомольцев...

Хорошие ребята!

Но — надо же учить их?

Иначе — как?

Новые кадры, новые солдаты,

Новые солдаты — из сторонних рук!

Надо чтобы стали бойцами на деле,

Сердце в работе, глаз на чеку.

Надо, чтоб наши любовью горели

К своему заводу,

К своему станку.

Я уже не молол...

Пена у виска

С каждым годом становится белее.

Я уже не подъем тяжелей.

Но я еще крепок!

Покой — не под стать,

Бицепсы — уздами, глотка — сиреной.

Я кровь мою по капле готов отдать

За верную, за крепкую, за низкую смену!

И если мне скажут:

«Вот мы, молодежь,

Мы хотим работать на все, на четыре» —

Пусть детки дадут, в гарпуни дадут...

Дорогу молодежи, просторной и шире!..

.. Так вот и попла сюда без пересадки...
Месца кончено, а кажется — год!

Плевое дело:

Нервы не в порядке...

Были бы в порядке!

Работа и завод!

Смотрела в лорнеты,
Двигалася на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.
«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

Смотрели в лорнеты,
Двигались на завод.

«Прямо, говорит, удивительная нация
Этот советский напористый народ!»
Уезжали, кланялись,
Руки даже жали нам,

ЗАВОД КОММУНЫ

3. Полякова

Бронзовые кисти висят тяжелыми одуванчиками на красном шелке. В алом пятиугольнике неиздешние слова привета, визуальный призыв: «Нам одного рабочего вне социалистического соревнования».

Это было в сентябре 1954 года, через окна и мори—красный платок дегтярских рабочих, перекинутый сквозь решетку капиталистической рационализации. В Москве оно сделалось переходным знаменем обкома металлистов социалистической премией заводов, давших высокие производственные показатели. Вокруг него развернулся бой между Люберецким, Коломенским, Электромоторным, Мотовилихинским, Магнитогорским АМО и Электрозвоною. Некоторые из них, более слабые, вскоре отступили, сдались, очистив поле для двух сильных претендентов — Люберецкого и Электромоторного им. Лепсе. Своеобразный производственный поединок закончился победой Электромоторного завода.

Месяца два назад директор на торжественном совещании сказал:

«Мы победили потому, что правильно поняли лозунги советской власти и работали сообща».

Это верно. Сила завода заключается еще в том, что он во время отклинулся на лозунги партии, серьезное значение которых только теперь стало понятным некоторым фабрикам и заводам.

Об этом — подробно.

На Электрозвоною нет той тревоги и суеты, которая часто царит на предприятиях, испытывающих своего производственного задания. Добившись изумительных результатов и закрепив их, завод идет быстрыми шагами вперед, в атмосфере спокойного труда, без судорожного напряжения, как осторожный и опытный турист, поднимающийся по скатам гор к головокружительной вершине.

Был ли Осинов, когда-то преследуемый производственной комиссией сборочного цеха, во время обеденного перерыва сидит в красном уголке.

Неизвестно откуда взвинчивший загар на его бронзовом лице напоминает о теплых лучах осеннего солнца. У него на руках тончайшие в мире перчатки несываемой чугунной пыли.

Один из организаторов «первой социалистической бригады», он, как и весь завод, уже привык к посещениям РКИ, занятившейся достижениями завода, репортё-

Фото М. ХАНА

ров и фотокорреспондентов. Осинов в десятый раз повторяет главную историю возрождения завода, «о том, как это было», онискходительно улыбаясь бесконечным визитам незнакомых людей.

Когда вспоминают о нем, то говорят: «Хорош! Время брезгливо обошло все препятствия, случаи недоверия, встретившиеся на пути ударников, оставил в памяти сухой перечень сравнивательных цифр.

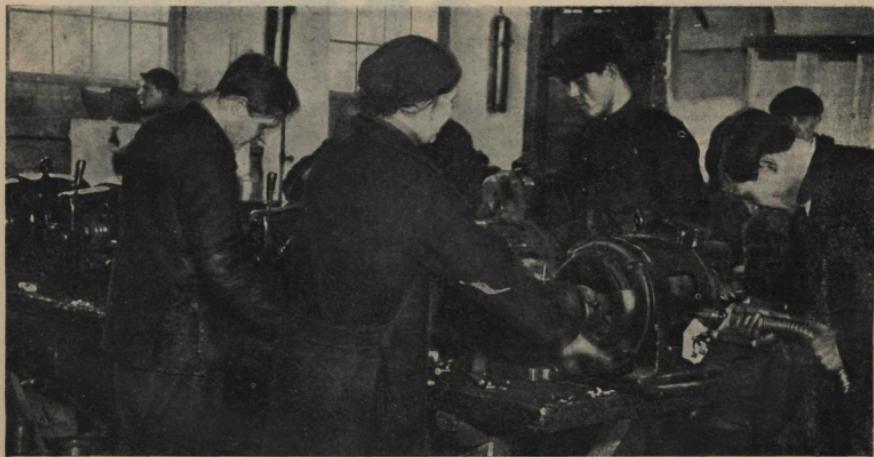
Ударное движение впервые возникло в сборочном цеху, скандальным и квалифицированным. Полтора года назад цех изменился под тяжестью брака. Больше половины продукции было возвращено с самоконтрольной станции, загораживавшей цех так, что в проходах не оставалось свободного места. Весьма рабочих, специально поставленные для ремонта, не успевали исправлять с каждым днем увеличивающийся брак. Вековые традиции господствовали среди рабочих. Каждый из них старался захватить побольше деталей и этим гарантировать свою ставку от премии, а заработную плату — от неучастия в ударе. Сборщики, несмотря на обычным явлением в цеху. Несколько рабочих, захватив лишние детали, создавали пространство станков у других сборщиков. Сборочный цех, работая в таких условиях, мог выпустить всего 300 моторов за месяц. День, когда цех передавал в склад 40 моторов, считалась ударным, показательным днем.

Такая работа грозила сорвать всю годовую премию за производительность труда. Тогда-то и заговорили о новой форме работы Осинов, Смераневичи, Наурович и Потекоря. Бригада была создана. Четыре человека дали бой кости, разгильдяйству, старым привычкам на производстве.

К работе ударников сборщики присматривались с затешенным любопытством, не веря и чуть иронизируя в душе. Когда бригада получила забракованный мотор, заработок смелился:

«Ну вот вы и ударники...

В цеху образовалась маленький островок. Поставив свою целью поднять производительность труда и увеличить зарплату, бригадники с нетерпением ждали конца месяца, чтобы доказать с цифрами в руках преимущества коллективного труда. Они доказали. Заработка ударников с 140 руб. повысился до 180 руб. Три раза снижали они расценки, — в общей сложности на 45% — и заработка их оставался на прежнем уровне.

Вверху: на обмотке ротора. Внизу: бригада, первая обивавшая себя ударной.

Недоверие таяло, как весенний снег. К бригаде начали присоединяться другие рабочие. Тогда Осипов, сделавшийся бригадиром, решил ускорить ликвидацию одиночек, «как класса». Тринадцать бригадников перешли на операционную работу, близкую к конвейерной системе. В бригаде исчезли простоты, увеличился выпуск моторов, повысилось производительство ударниками в цеху возросло, но уже по другим причинам. Рабочие ругали Осипова за то, что он не записал их в бригаду.

Вскоре в бригаду вошло 42 человека. По инициативе ударников был введен контрольный верстак для предварительного испытания мотора. Брак готовых моторов сразу понизился, у ремонтников появился простор и их пришлось сократить. Они оказались лишними и потому, что бригада отказалась от оплаты брака и обязалась все моторы, возвращенные испытательной станцией, ремонтировать бесплатно.

Ударники не замыкались в кругу своих достижений. Доклады о работе бригады ставились на производственных совещаниях, общих и локальных собраниях. На заводе бригады начали расти, как грибы после хорошего дождя. Некоторые обединились в мощные бригады, перешли «на общий котел» с единаковой для всех зарплатой.

По примеру взрослых рабочих, комсомольцы два раза организовывали бригады и оба раза они «рассыпались». Кто-то сказал, что молодежь не умеет работать. Но это было неверно, потому что, влившись в бригаду, комсомольцы целиком оживлялись, зажигались огнями в душах. Сейчас в сборочной работает большая комсомольская коммуна, обединившая две небольшие бригады.

В механическом цеху организация бригад прошла не совсем гладко. Среди ударников нашлись лентяи: старый Белозус и двое молодых—Пенкин и Сергеев Ушицкий не выполняли нормы выработки, они решали отдохнуть в бригаде за счет труда других ударников. Но время, когда одному рабочему не было никакого дела до другого, безвозвратно прошло. В бригаде-коммуне работы каждого коммуниста на виду, спрятать свою лень здесь не удастся. Коллективный труд несет смерть лоджиям и рабочим. Рабочих из бригады выбыли. Вывод же из бригады из Электромоторного, почти целиком охваченном коллективистами, для рабочего то же самое, что лишиться работы. Ни один из бригад не согласился принять в свои ряды лентяя.

Случай в механическом заводе удариликов тщательно проверять каждого вновь вступающего в бригаду—не лодырь ли, не будет ли он только накладным расходом для бригады?

Три бригады-коммуны приняли внутренний устав, по которому всякое нарушение трудовой дисциплины сурохо карается, вплоть до увольнения с завода.

Коммуны на Электромоторном растут за счет неквалифицированной рабочей силы. Среди рабочих, не имеющих специальности,чат 75% заработка коммунистов, месчесав через шесть, получивших и повысив свою квалификацию, они становятся равноправными членами коммуны и включаются в общую расчетную книжку.

Все коммуны выделяют специальные товарищеские фонды для культурработы и отчисляют ежемесячно 1% на свои культурные нужды. В каждой коммуне есть и специальные выделенные для рационализаторской работы.

Коммуны им. Крупской в паяльном отделе, увеличившая выпуск моторов с 30 до 90 в день, снизившая расценки на 25% и, несмотря на это, повысившая заработную плату на 40 руб. в месяц, идет впереди по общественной работе. Коммунисты взяли шефство над беспризорными, отчищали ежемесячно на нужды детдомов и помогают ему в работе.

В обмоточном цеху над дверью редет красное, азтрапильное, переходное знамя. В прошлом году цех перекрыл все производственные задания и вышел победите-

Ударница-обмотчица на заводе им. Лепсе.

лем. Но сейчас сборочный цех пытается его отобрать.

Сборочный цех—сердцевина противника. С 400 моторов, выпускавшихся в прошлом году, он довел выработку до 1 800 в месяц. В феврале он изготовил уже 2 009 моторов. Соревнование с ним становится чрезвычайно интересным, и я очень трудным делом. И обмотчицы, отыскивая все новые силы, спрятанные где-то в мускулах, в крови, горяются за сборщиками.

Электромоторный завод честливо сочетает в себе все качества, необходимые для производства в реконструктивный период: революционный энтузиазм и глубокую со-знатность рабочих, чуткость администрации, работоспособность завода, правильное политическое руководство, массовую инициативу рабочих, подчиненных комиссий. Каждая бригада знает свой профманифест во всех деталях. Он разбивается на бригады и цеха и каждый месяц происходит его подробное обсуждение. Поэтому-то в бригадах и коммунах не бывает острой нехватки деталей, частей, инструментов. Все предусмотрено и заготовлено заранее.

Какие же производственные показатели Электромоторного завода № 17?

Без цифр, я знаю, читатели не убедишь. Вот они.

Завод охвачен соревновательными соревнованиями на 93%. Из 68 бригад—32 первенства, тринадцать вторых. Три ударные цеха Один цех коммуны. Три коммуны обвязали сеть производствено-битовых коммунами. Сострается и будет готов к лету дом-коммуна для 80 комсомольцев.

Вся эта могучая производственная сила, влившаяся в поток социалистического строительства, выпустила в 1929 г. вместо 9 000 моторов—10 760. Итоги прошлого года позволили увеличить программу до 25 000 моторов. В первом квартале выпущено моторов на 4,4% больше задания, в январе—уже на 8,5%. Выработка растет с каждым днем. 25 000 моторов оказались недостаточными. Рабочие постановили изготовить их вместо одного года в течение 10% месяцев.

Изменяется и вся пятилетка завода. Вместо 66 тысяч моторов, намечаемых к выпуску в последнем году пятилетки, будет выпущено 200 000 моторов.

Себестоимость мотора с 3 р. 65 к. снижена до 1 р. 40 к. Брак с 51% в 1929 г. упал до 7,9% в конце года. В первом квартале он достиг 6,4%. Производительность труда повысилась на 64% вместо заданных 39%.

В результате сопротивления поступило 325 рабочих предложений. Из них 253 принят. Они дали экономию в 23 802 руб.

И еще.

Рабочие бригады завода организовали четыре колхоза и приступили к электрификации и радиофикации подшефной сельскохозяйственной артели.

Теперь ясно, за что получила завод знамя американских рабочих? Он гордо несет его через все трудности своего небольшого, но очень ответственного производства.

Нужно изучить прекрасный опыт завода, учиться на нем и сделать его достоянием всех рабочих масс и предприятий.

КЛАСС ПРОТИВ КЛАССА

Крестовый поход, предпринятый святышими душеприверженцами капитала, еще раз показал, что трудящиеся всего мира твердо решали защитить крепость мирового пролетариата—СССР—от нападений международного империализма. Бруталенная и безжалостная все свои силы на подавление народного (о варягах) похода бедноты, должна была быть вынуждена отступить—контраступление пролетариата, предпринятое им в связи с крестовым походом. На наших снимках—отдельные скены столкновений между рабочими и полицией, которые именуют часто в прессе во Франции, Англии, Германии и САСШ.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЬЕСА

С. Кемпрад

«Выстрел» нельзя услышать и забыть. К нему невозможно остаться равнодушным. Он резко делит зриттельный зал на две части: одна — за, другая — против. Впрочем, нет! Есть и третья сторона: театральная критика. Как это ни странно, они не услишили «Выстrelа». Уши ее оказались заткнуты ватой. Мечущая громы и молнии по поводу несуществующих достоинств, заслонившая тень сцены пустыня в кривые головы театральной критики блазору прошла мимо центральной постановки и исчезла перед всей пролетарской общественностью в собственном банкротстве.

Случайно ли это? Нет, закономерно, как все в мире. Находящаяся в процессе становления пролетарская драматургия еще не создала своей пролетарской критики. Профессиональная же тече-критика, чувствовавшая себя, как в родной стихии, среди разных «Петров» и «Ларей Федоров Ильиновичей», растерялась, когда со сцены заглушили шумы заводской жизни. Едва ли не поэтому, что замутила пропаганду «Выстrelа» первыми взяла эти тоже товарищи, как Феликс Кони, и сама заводили массы.

Но аллюзий с ней, с критикой! В сущности тот «заговор мачехания», который она организовала вокруг «Выстrelа», может скопрее пойти на пользу пьесе, чем во вред ей. Ибо, встав в позу услужливого медведя и привившись расхваливать пьесу, в которой ее не дано ничего понять, такая тварь-тика только напортит ей.

Гораздо хуже, когда люди становятся в полу менторов и начинают, снисходительно, целуя своим зубы, выдавать советы начинающим («тактичность пьесы... для удаленных моментов...»), поучать Безымянского ботвеизмом. Мы имеем в виду В. Ермилова, выступившего в № 67 «Правды» со статьей «О настроениях мелкобуржуазной «слепишины» в художественной литературе». В этой статье в качестве яичников, обраченых мелкобуржуазной «слепишиной» взяты два произведения: «Пущторг» Сельвинского и «Выстrel» Безымянского.

Само по себе то обстоятельство, что В. Ермилов умудрился представить в своем тексте Сельвинского и коммуниста подлинно пролетарского поэта Безымянского, смешив тем самым все плоскости — уже одно это говорит о качестве и методах критики автора статьи «О настроениях мелкобуржуазной «слепишиной». Останных их на совести Ермилова. В данном случае нас интересует не это, а та оценка, которую критик дает «Выстrelу».

Как и следовало ожидать, споры о «Выстrelе» пошли по линии не формально-литературной, а политической. «Выстrel» — спор о политической пьесе. А те, кто хотели, что он отражался лишь выражениями против использования Безымянского грибовских приемов. Спешно делаются умозаключения в области политической, и вот на сцену появляется теория о «комсомольском авангардизме».

Делать ничего! Рад у Ермилов предложил давать бой на этом месте, побоем ему настремчу. Но пусть пингит на себя, если выяснится, что он ни на земле не смыслил ни в вопросе о «комсомольском авангардизме», ни в истории КИМа и ВЛКСМ.

Да будет известно Ермилову, что под «комсомольским авангардизмом» в КПСС Коммунистического интернационала молодежи понимается целая полоса, когда социалистические юношеские организации в целом выступали против гнилой, соглашающейся, предательской линии социалистических партий. Социалистические юношеские организации вели тогда жестокую

борьбу с оппортунизмом и первоклассно обединили вокруг себя все действительные революционные элементы, даже взрослых рабочих. Эта тактика, правильная до создания Коминтерна и возникновения коммунистических партий в Западной Европе, механически продолжалась КИМом некоторое время и после того, как международное пролетарское движение было оздоровлено. Следовательно, коммунистические элементы в КИМе пытались держаться на позиции коге с Коминтерном, но искренне предполагая, что они избавлены от необходимости обманывать широкие массы. И вспомним, что Ермилов, когда та, якобы, становилась недостойной революционной.

Обективно авангардистская была и позиция Шацкина-Стэна, когда те пытались посеять среди молодежи сомнения в правильности партийной линии и аспилировали к комсомольцам против, якобы, засыпавшей партии обывательщины. За это и партия и союз вполне lawally правильны ударили на них «слепаков» по рукам.

Имеется ли мы в «Выстrelе» такое положение, когда комсомольская организация пытается выправить партийную линию? Не в «Выстrelе» комсомольская ударная brigada чести и по-боярски выходит в жизнь ленинский лозунг: «...быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин» (Ленин, Задачи союзов молодежи). Комсомольцы в «Выстrelе» не боятся против партии, не стремятся «подправлять» ее линию, а своей ударной работой поддерживают эту линию.

Ермилов недоволен тем, что ударную brigada создала один только комсомольцы. Предположим, что Ермилов ошибочно решил, что Ермиловы сознательно ложат, когда утверждают, будто комсомольцы работают в пьесе без партийного руководства, о котором только декламируют в одном месте комсомольцы, в пьесе же оно никак (курсив мой. — С. К.) не показано.

А Граевский? «Партийный крик, он нас и свел в brigadu». Так не только комсомольцы «декламируют», это видно во всем ходе пьесы. Настоящий большевик Граевский противостоящий Ермилову, силен комсомольцев в brigadu, помогает им советами, подбрасывает словом, руководит ими. По Ермилову же, «эта партийка и кое-какие (курсив наш. — С. К.) беспартийные рабочие»! только помоют ей, являются тоже тщетной артилерийской (?) — С. К. — не более.

В скобках заметим, что Ермилов сам себе противоречит, когда, признавая, что два партийных героя были в brigadu, говорит, что строителям пьесы утверждено было партийное руководство «никак» не показано. Таких противоречий и, можно выражаться, предреждений мы находим у Ермилова не мало...

Но вернемся к вопросу о «комсомольском авангардизме», который, по утверждению В. Ермилова, «довольно густо выразился в пьесе Безымянского». Совершенно ясно, что не стремление «подправлять» партийную линию движком комсомольской brigada, а желание осущестить генеральную атаку на пьесу в целом не дают Ермилову спокойно спать в постели. Но если бы даже комсомольская ударная brigada во главе с лучшими партийцами восстало против оппортунистического руководства яичной, пошла бы в райком и добилась его смещения (в пьесе оппортунистическое руково-

* * *
От всей статьи Ермилова ясно невыносимо барским духом. Уже одно это — «кое-какие рабочие» — звучит величественно. Но Ермилов поддается еще и сам себе, видимо, чуток в позе коммунистической литературы, употребляя такие выражения, как «ону следует указать» и т. д. Безымянскому да Кому сказать? Безымянскому письма куда скроются Ермилова, когда он в базе, весто лишил «авторов» группе ст. — С. К. !

властю яичной смигает Граевский и другие партийцы, а не комсомольцы), если бы такой случай имел место — являлся ли бы он примером «комсомольского авангардизма»? Мы утверждаем, что нет. Недавний пример Швеции, где большинство комсомольской организации под руководством оставшихся верными Коминтерну партийцев выступило под знаменем Коминтерна против увлеченному оппортунистами большинства Шведской компартии, еще сложнее.

Наконец разве не исторический факт, что ленинский комсомол первый под руководством партии создал движение ударных brigad? Он не был ту «главным толчком, основным строителем», как то хотел бы утверждать В. Ермилов, чтобы иметь возможность обвинить потом нас в «авангардизме», но он, в силу своей организационной самостоятельности, всегда применяя к себе и своим подчиненным правила из основных принципов союзного строительства, смог здесь оказать партии ту помощь, прорвать ту иннициативу, о которой говорила Ленин и которая особенно необходима была партии на первых ступенях социалистической реконструкции.

Поэтому основное обвинение, выдвинутое Ермиловым против Безымянского по линии политической, разлетается, как карточный домик: не даром редакция «Правды», печатая статью Ермилова, говорила, что «эти положения, выдвинутые им, являются спорными» и что он «недоказывает положительного значения пьесы той. Безымянского».

Таким образом, основной якорь Ермилова «попал в воду». «Комсомольского авангардизма» в пьесе нет. Что же остается? Остается недовольство Ермилова тем, что на сцену вообще попала «комсомольская ударная brigada». В «самом деле», — неизвестно замечает Ермилов, — в центре буквально всей общественной жизни трампика стоит комсомольская ударная brigada.

Вот тут-то Ермилов и предстает перед нами голенищем. Ему недоволен, что не случайно в центре всей общественной жизни трампика в период первых шагов социалистической реконструкции попала ударная brigada. Он не знает, как могли бы не превратиться в оппортунистический пункт классовой борьбы, вокруг которого развернулись страсти. Он недоволен ударной движением, выдвинутого рабочим классом как одно из вернейших орудий ежегодной классовой борьбы и победоносного социалистического строительства. По Ермилову, оно не имело права попасть в центр всей общественной жизни, а должно было ютиться где-либо там, — на профсоюзных задворках, что ли...

Или может быть, Ермилов хотел, чтобы в трампика «в общем и целом все обстояло как надо было»? Чтобы brigada не стала в пьесе не была выведен оппортунист Гладких и Принципкова, чтобы о brigade споговорили и винг забыли? Чтобы не было ни классовой борьбы, ни выстрелов, ни «Выстrela»? Так пусть он об этом прямо скажет.

Тяжелые обвинения Ермилова обернулись, таким образом, несколичными громкими фразами о фальшивых «зловых» мотивах, якобы звучавших в «Выстrelе». Фразы эти мы вынуждены честно возвратить Ермилову, пытающемуся под маской ортодоксии вымазать дегтям Безымянского на творчество которого воспиталась не одно поколение комсомольцев.

(Окончание см. на 19 стр.)

Советский

Очерк Бор. Савича

Советской стране нужно много хлопка. Нужно столько белого пушинистого волокна, чтобы им обеспечить свою крепкую текстильную промышленность, чтобы не платить «ядре Саму» ежегодно без малого по миллиарду золотых рублей.

Мы во что бы то ни стало должны прекратить золотой поток, льющийся из СССР в Америку, где мы покупаем хлопок, и сэкономленные средства вложить в тяжелую индустрию, в сельское хозяйство.

До сих пор наше хлопковое хозяйство развивалось очень медленно, так медленно, что в отношении хлопководства мы отстали даже от дооцененного времени и в мировом балансе хлопка отстаем на нижнюю ступень. Такое положение выдвигает серьезнейшую задачу: максимально ускорить темпы развития хлопководства, попытаться даже определить другие страны, и к концу хлопковой пятилетки совершенно избавиться от «хлопковой зависимости» империалистических стран.

В темпах развития хлопководства нам надо взять пример с Англии, которая бешеною скоростью идет по пути избавления от американской хлопковой зависимости, принимая все меры к тому, чтобы, в своих восточных колониях, в Индии и Египте, создать для своей текстильной промышленности прочную хлопковую базу. Но свою хлопковую независимость Англия строит на полном порабощении колониальных народов Востока.

Мы же, заявляя о себе хлопковую независимость, поднимаем культурный и хозяйственно-экономический уровень наших отсталых республик Средней Азии и Закавказья. Вот в этом именно есть глубочайшая разница между нашими и английскими стремлениями к завоеванию хлопковой независимости.

Решая хлопковую проблему, мы вы-
полняем важнейшую директиву
XV партсъезда о накоплении и макси-
мальном развитии текстильной про-
мышленности.

зависимости, которые к 1932 г. должны дать 80 тыс. тонн хлопка-сырца, а в 1930 г. предположено собрать уже 50 тыс. тонн хлопка-сырца. Таким образом, создается реальная возможность выполнения боевых задач хлопковод-

Для нас особенно ценны сорта египетского хлопка, который до сих пор не было в культуре. И вот в этом году земельник Таджикистана является большим щитом: сорт «Сибирь» оспаривает 13 лет. По мнению специалистов, хлопководство этот узел достичь, но прежде, правда, в незаметном количестве египетский хлопок в Таджикистане сеялся и, плавая, неожиданно вложил.

сплетенные родовые отношения, руководимые теми же чуждыми элементами.

Однако далеко не всегда бывшая контрреволюционная агитация бывает словесной: только в течение последних трех-четырех месяцев в Республике Средней Азии авзерки убито и ранено до 240 комсомольцев, коммунистов и активных батраков, неуклонно боравшихся за осуществление хлопковой программы, являющейся сейчас квинт-эссенцией всей хозяйственной жизни республик Средней Азии.

Но не только баги и кулачки вредят хлопковой промышленности. Среди предпринимателей есть люди, стоящие очень близко к партии, комсомолу и советской власти. Вот вам факт из Андижанского округа (Узбекистан), где окружная прокуратура по реализации хлопкового сырья последнего года совсем недавно разбирала дело члена партии Иргаса Исмайлова, укравшего хлопок, снятый

с полесскими венами и кулачками. Другой факт — член партии и комсомола, бывший председатель райсовета Петербургской области, член оргкомитета Марийского праздника (Чебоксары), обустроивший в селе Завьялово (Ульяновская область) лагерь юных пионеров «Лесная школа», издавший книгу «Лесной путь» (Москва, 1937 г.) — это Михаил Григорьевич Смирнов, член партии с 1920 г., сын писателя С. А. Смирнова. В 1937 г. он был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и расстрелян в Бутырской тюрьме. В 1956 г. его реабилитировали.

Наша задача: от мелкого клочка земли, на котором невозможно серьезно улучшить хлопкового хозяйства, перейти к крупному обобществленному типу хозяйства — к совхозу и колхозу. Уже в этом году 45% хлопкового урожая должны будут дать совхозы и колхозы.

Хлопковый совхоз—явление новое и невиданное даже в Америке, где совершенно нет крупных государственных хлопковых хозяйств. В Средней Азии хлопковые совхозы в этом году охватывают 75 тыс. га.

Пути роста хлопковых совхозов грандиозны, принимая во внимание, что

¹ Такое—плоское, плавное блюмингто.

Празднества.

хлопок

хлопок требует гораздо меньше труда и забоя, чем другое культура. Одни хлопковые совхозы при том же количестве людей и машин, что и в зерновых совхозах, может охватить площадь пяти данимых зерновых совхозов.

В этом году Союзный Гавахлопоком приступает к разрешению грандиознейшей хлопковостепной проблемы. К концу пятилетки предполагается создать мощный хлопковый союз на 500 тыс. га с ежегодной продукцией на 150 млн золотых рублей. Разрешение проблеме Голодной степи, большая часть которой расположена на территории Казахской республики, — прерогатива Казахстана из наиболее отсталой в педагогической Республике.

Второй мощный хлопковый союз образуется в Таджикистане, в долине реки Вахш. Этот союз охватит площадь земель в 40 тыс. га и ежегодно будет давать сырья на 25 млн. золотых рублей, причем продукция этого союза будет составлять лучшие сорта египетского хлопка.

5

Перед нами три задачи, разрешение которых мы выполним хлопковой программой: первая — наих-природительное строительство; вторая — вытеснение нехлопковых культур, и третья — поднятие урожайности.

Успехов социалистической реконструкции народного хозяйства прилагаются превращается в сильнейшее оружие национальной политики. Орощая декадентские поля, мы уничтожаем западность, лакомство на бене и кулачков, захватничество, давно существующую природительную систему.

Став задачу вытеснения нехлопковых культур, мы помним, что нужно упестинить $\frac{2}{3}$ всех посевных площадей Средней Азии, основанные нехлопковыми культурами. Эти $\frac{2}{3}$ мы повернем на хлопок, обогнав жестокую войну пшеницы и риса в тех полях, где можно сеять хлопок.

Вытеснение нехлопковых культур — это обостренная участь капиталистической борьбы, и роль комсомольских организаций здесь громадна. Экономическая политика республик Средней Азии будет подчинена хлопку, и это мероприятие поможет вытеснить нехлопковые культуры, так как посевы хлопка будут предоставлены значительные льготы.

Поднятие урожайности будет осуществлено путем строительства двух крупных заводов азотистых (Узбеки-

стан) и фосфоритных (Казахстан) удобрений и применением еще целого ряда агрокультурных мероприятий.

6

В Америке $\frac{1}{4}$ хлопковых полей орошается естественно.

У нас — наоборот.

Изучение побегов багорного хлопка показало, что ряд таких районов, как например, Кубань, Нижнее Поволжье, Дагестан, Северный Кавказ и т. д., имеют все предпосылки для создания богарных плантаций хлопка, а также новых, более ранних, серебряных сортов хлопководства. На новых хлопковых районах теперь обращено сколько внимание, и уже в этом году хлопковая площадь новых богарных районов охватит 150 тыс. га против 10 тыс. прошлого года.

Если посевы багорного хлопка дают несколько меньшую урожайность, то багорный хлопок не требует никаких затрат на орошение. Его площадь доведется до 1 млн. га. В Средней Азии есть также громадные возможности для максимального расширения багорного хлопка, незначительная доля этих возможностей используется в пынешнюю посевакцию.

7

И всесоюзное комсомольское хлопковое сознание, происходившее в Ташкенте с 15 по 22 февраля, обсудивший пятилетний план развития хлопководства и задачи ВЛКСМ, а также еще несколько актуальных вопросов комсомольской работы, связанных с выполнением хлопковой программы, вынесло ряд практических решений:

«Для выполнения хлопковой программы комсомол всей своей массой должен повернуться в сторону действительного участия в строительстве, который был в этом году дал не менее 45% всего урожая, — говорит в своем выступлении каждый шаг своего движения задачам быстрейшего выполнения хлопковой пятилетки. Комсомол должен возглавлять активность молодежи в хозяйственном и культурном строительстве, овладеть технической культурой, пронизывая ее всей предприятием классовым пролетарским содержанием.

И если комсомол в целом, особенно организацию хлопководческих районов, будет плестьсь в

хвосте быстрых темпов реконструкции хлопкового хозяйства, то даже при наличии физически полной технической линии вперед будет стоять опасность сползания к оппортунизму. Главная задача — повернуть комсомол лицом к расширению периода реконструкции, мобилизовав его в поход на борьбу за хлопковую независимость Советской страны от капиталистического мира.

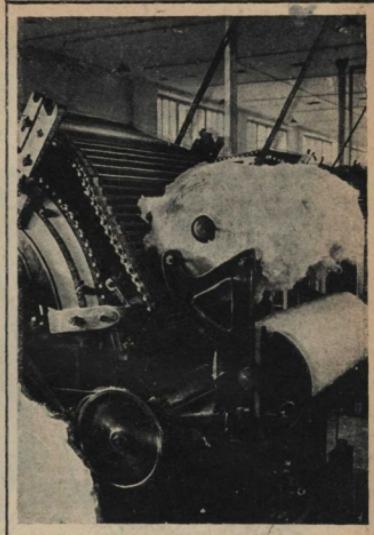
Все это в свете практической работы означает, что комсомолу нужно взять такие темпы, которые бы обеспечили:

выполнение намеченной программы производства хлопка не в три, а в два года, добившись в текущем хозяйственном году урожая не менее, чем в 50 тыс. тонн сырца;

такой размах колхозного и совхозного строительства, который бы в этом году дал не менее 45% всего урожая;

максимальное увеличение посевных площадей за счет стопроцентного выполнения плана природительного строительства, а также за счет выполнения задач по вытеснению хлопку, подняв урожайность хлопка по Средней Азии на 45%, а по Закавказью на 75%; и, наконец, машинную обработку хлопковой полей на 70%.

Поворот комсомола к вытеснению хлопковой пятилетки на основе социалистической реконструкции сельского хозяйства будет обеспечен лишь при условии коренной перестройки комсомольской работы. Необходимо тотчас же укрепить ячейки, превратившиеся в братско-бедицкую молодежи на выполнение хлопковой программы, на сплошную коллективи-

зацию хлопководческих районов и ликвидацию кулачества как класса.

Нужно во всех без исключения сорных районах создать колхозно-тракторных станций и ремонтных мастерских, организовать комсомольские ячейки и в них поставить вопрос о том, чтобы каждый комсомолец знал во все поры их производственной жизни.

Комсомольские районы текстильной промышленности должны помочь комсомолу Средней Азии и организациям новых хлопковых районов, осуществляя свое шествие на разговорами, а конкретными делами.

«Комсомол должен стать ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свою почву».

Не прибегая к «помощи» дяди Сами, использующего советское золото притянуть советской же власти, обеспечив советский текстиль советским хлопком.

Из года в год расширяются советские хлопковые плантации в Средней Азии. Сотни тонн хлопка, упакованные в тюки, растекаются по Советскому Союзу, чтобы превратиться в вату, в нитки и в ткань.

На снимках: Слева — обработка плантаций и сбор хлопка. Внизу — упаковка и отправка хлопка. Вверху справа — хлопкоочистительный завод в Самарканде.

ПОРТОВЫЕ КРЫСЫ

Рассказ Эрика Уорлд

Рис. Б. ПРОРОКОВА

Пассажиры на палубе гаджета с любопытством...

Среди разношерстной массы, набранной для работы Панамского канала, были рабочие со всеми четырех концов земли — итальянцы, греки, французы, испанцы, китайцы, африканцы, жаре дали белой, черной и желтой расы. Но главной рабочей силой составляли смуглые пеоны Коралловых островов Каракасского моря, находившихся под владычеством Англии, Франции и Голландии.

Негры, работавшие в том конце канала, который примыкает к Атлантическому океану, были, как скот, размещены в старых вагонах, стоявших в джунглях «Серебряного города»; в жалких лачугах, ютившихся по берегу реки Фальке, и в маленьких низких домишках Коко-Те. В «Серебряном квартале» жили чернокожие туземцы, сидевшие со скрещенными на груди руками.

После рабочие, рывшие канаву, измученные дневным трудом, полусонные, голые, если не считать початых, грязных сеток, которые они носили, наездали туманные креольские песни, играли на гитаре или пикколо¹ и плясали под звуки кубин².

В первой из шести лачут Коко-Те, в которых помещались семейные рабочие, жила толстая пузатая негр с острова Сан-Люисес, привезенная из Африки в возрасте трех лет. Ее называли «Белый туземец» с острова Сан-Люисес. Жан Балпист ее знал, где в ее кончалась француз и начиналась англичанин. Его речь представляла собой грубый жаргон негритомного французского колониста. Но когда ему было нужно, он неплохо говорил и на ломаном английском языке.

Работая в порту грузчиком, он грузил уголь на пароходы, и, находясь под постоянной опекой французских миссионеров, Жан Балпист был очень набожный человек. После работы он собирался с семью сыновьями и женами в крохотную церковь, где они садились в бамбуковую скамью на крохотной веранде, заросшей кофейным деревом. Сияя в камбалах, он дремал, в то время как Селестина, его вторая жена, чернокожая «красотка» с острова Мартиника, громко пела ему гимны.

От первой жены у него осталось три сына: Фелип, самый старший, красивый, здоровый паренек; Эриест — крепкий, живой и ловкий, и Сэндель — восемьлетний мальчик.

Эриест и Фелип занимались «ремеслом», широко распространенным среди туземцев, населяющих острова Вест-Индии: ловлей монет в море, которые бросают с бортов океанских пароходов праздные туристи.

— Фелип, скорей собирайся — пароход в порту! — Эриест, портова крыса, схватил его за руку. — Скорее же ты, а то опоздаем. У меня не осталось ни одного пенини.

Стремительно выбежав из дома, юноши понеслись к гавани. Настигнули сумерки. Уже индусы в «квартале холостяков» поджа-

ривали свою границу, и негры сидели у порогов своих хижин в одних сетках, куря и отдыхали. Захолустье солнце, огромный диск расплавленного золота, спиркал на поверхности залива своим последним блеском.

Юноши, перебежав через лужайку, помчались к порту.

— Осторожнее, — вскричал Фелип, когда Эриест скользнул вниз между сваями, обделанными устричными раковинами, чтобы прыгнуть на плот, — осторожнее, эти раковины остree ножа!

Очнувшись на плоту, юноши отвязали лодку, которую они привезли из гавани, сели в нее и оттолкнулись от плота. Огромный океанский пароход лежал на воде. Туристы стояли на палубе. Лавиной морды доковыми связями, юноши скоро очутились в открытом заливе.

Сумерки глушили звуки. Быстро надвигалась ночь. Фелип сидел на ведках, Эриест быстро сорвал с себя одежду, оставил одно легкое покрывало вокруг бедер.

Пассажиры на палубе с любопытством глядели на приближавшуюся лодку с двумя чернокожими.

— Стойте, — крикнул Эриест, — пенини, мистер, пенини!

Он прыгнул за гульдемон, свернувшись в воздухе, отлавлив его среди сребреничного потока, проплывшего с палубы в море. Свернувшись пятаки, будзульши и пена на поверхности — и он выплынул с монетой в зубах.

Немного дальше Фелип, сын моря, с набитым монетами ртом, кричал:

— Сюда, сэр! Не бойтесь, что далеко, достану!

Старый рыбкорабельный капитан, вероятно, обитатель визутического спорта, подняв вверх соревен³. Соревен! Несмотря на то, что Фелип весь раскрасился от чистого мытья и тяжело дышал, глаза его едва не выскочили из орбит, когда он увидел блеск золота.

— Сюда, сэр, сюда!

Рыбкорабель смерил взглядом море и швырнул монету в водоворот. Как морская щука, Фелип нырнул за ней, — стрела, падающая в воду. На минуту толпа на палубе затихла дыхание.

— Где же? Где же? Куда делась монета?

Дядя Эриест, сидевший уже в лодке, дрожая и стуча зубами, следил за Фелипом с изумленным вниманием. Но его интерес был более глубокого сорта. Ибо там, куда устремился за золотым Фелип, была «пучина смерти» — любимое место акул!

Но Фелип уже подплыл на поверхность, — минутное бульканье, легкие волны, и кучевая голова негра показалась над водой.

— Эй! — закричал Эриест. — Гляди, Фелип! Нирай!

Фелип опять с-рыдал под «одой». Одай... две митты! Как долго тащились эти митты! Эриест наложенно ждал. Вода на поверхности булькала и волновалась — значит, он жив!

И вдруг Фелип, задыхаясь, отпрыгнул в воду, далеко выбрасывая руки, ринувши вперед с быстротой молнии.

— Акула! — закричала кто-то на палубе. — Акула! Вот она... огромное, стоп-тое чудо-шеш! Скорей, парень! Спасай свою шкуру!

Сияя уже в лодке, Фелип видел, как страшное морское чудовище дважды раза обогнуло во рул по ло. Несколько раз акула броса к лодке пытаясь опрокинуть ее своим ушибленным хвостом.

Юноши и склонились, удалившись. Но акула продолжала преследовать их. Чудовище было бледно-зеленого цвета, но в солнечных сияниях казалось черным. Откочившись на отростках с боями, стоявшей на георгу залива, и мясе, которое бросали на них пассажиры, она продолжала и всплескаться и запаху крошки.

¹ Магнезия фасоль.
² Тунисский музыкальный инструмент.

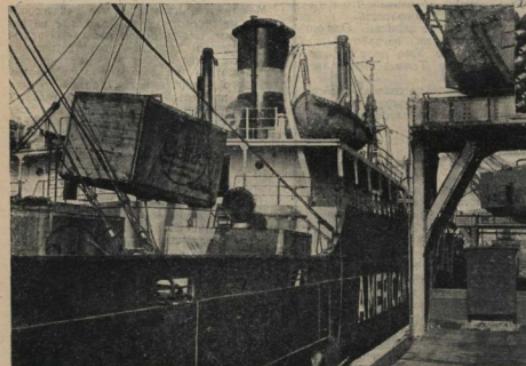
³ Золотая монета в 1 фунт стерлингов (около 18 рублей).

Он прыгнул за гульдемон...

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЕВ

ВЕСНА
НА ПОЛЯХ

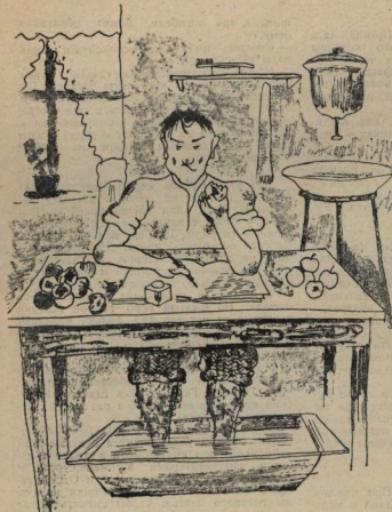

Страна небывало всем своим сном, чтобы беспредельные просторы полей были засеяны лучшим отборным персиком. Прекрасная внерусская сопротивление кулачка, расхабонность, киерть, мы завоевываем под большевистские посевы новые и новые гектары советской весны.

МОСКОВСКАЯ ПОЧТА

ТРИ ПИСЬМА

Фельст и Ив. Рахило

Каждое утро опускаю ноги в холодную воду.

«Москва, Арбат, Серебряный пер., № 1, кв. 14.

Здравствуйте, товарищ поэт! В прошлом году вы приезжали в наш городишко, где и выступали. Не знаю, какое впечатление произвел на вас наш город, лично я с его жизнью не согласен. Скука. От такой печальной жизни многие занимаются пьянством. Что же, спрашивается, делать, чтобы выбраться из такого болота?

Я долго вытирал и ремня остановился на мысль: «Да что ж это такое, и главное, меня сократили в должности, а как я слыхал за строку стихов в «Москве» платят по трешке. С этим письмом я посыпал вам несколько стихов. Четыре из них вы напечатайте (можно со скрипкой—2 руб. 50 коп. за строчку), а одно под заглавием «Китай, Китай, куда ты лезешь?» напечатайте, а горорар возьмите себе за беспокойство. Мне лично мои стихи почему-то очень нравятся, в особенности вот это:

Я не Илья и не Антон,
Напиши вам фельетон:
Никогда я не был в бане,
Я родился на Кубани!

Его я читал у нас со сцены, на вечере. Многие очень понравились, и меня даже простили сокращение. Быть может...

Я всегда старалась быть одиночкой и люблю избегать. Куплю десяток побуд, пойду на берег, в рощу, и скажу себе, мечтаю. Мне понравилось мечтать с арбузом, последнее время я беру их за три штуки—хватает до вечера. Мать не понимает познания и вчера меня палкой по спине (чтоб не таскала из дому арбузов).

Я хотела знать, что на таланты всегда было гордостью.

Меня интересует вопрос: как живут и работают другие поэты? Как они подбирают рифмы и какой образ жизни лучше всего подходит для меня? Некоторые из знакомых, прослушав мои произведения, говорят, что поэт должен обязательно пове-

ряться. Рис. М. ПОМАНСКОГО

ситься. Я олого раз шляя над этим и пришел к тому убеждению, что если я удаюсь, то кто-нибудь из них может присвоить себе мои права. Лично я считаю, что «ялка не нравится».

Вот, заканчивая письмо, я прошу вас поделиться со мной тем «омигом», который у нас есть, чтобы я мог выйти на до-огу и заработать себе на костюм. Не знаю, на «ако» «северине» или на «ако» «Большой Мастерский» или Марк Красинский? Просите утру. Моя настящая фамилия—Егор Конобабьев. Да, свидания!

Пришлите письмо, чтобы на конверте было напечатано мое имя. Пусть мама удивится!»

«Комсомольская улица, 24,
Е. Конобабьев.

Привет, мой друг! Стихи ваши очень нравятся, но печати не подходит, но отчаяваться не нужно. Если у человека действительно горит сердце и он имеет потребность изливать свое чувство на бумаге, то это свойство необходимо развивать. Напрасно, я отталкиваю вас, услышав, что в зоне пустынства шутка. Основное—есть способности и быть образованным человеком. Необходимо читать и писать. Купить волю и удаляться от людей совсем не надо, наоборот, общение с людьми дает писателю кучу сюжетов. Сказать откровенно, какой образ жизни вели другие писатели, и какой характер подходит более для меня?—не человеческая настойчивость! стыд. Нужно изучать людей и поступки. Возьмите биографию Джека Лондона. Прежде чем стать писателем, он перенес в десятки профессий, он изъездил много городов и морей. Всеобщие характеристики писателей отличались странностями. Толстой, например, склонялся к холода и разводил «ур». Шиллер, когда писал, то опускал ноги в холодную воду и во время работы клад на стол перед собой гнилые яблоки; этот запах, повидимому, возбуждал его голову. Бальзак постоянно пил кофе, а американский писатель О. Генри тоже сидел в кресле под подозрением в воровстве.

Что из этого больше всего подходит для вас, я не знаю. Главное—не унывайте, и, как говорится, берите быка за рога! Салют!

«Москва, Арбат, Серебряный пер., № 1, квартира 14.

Прочитав ваши советы, я решила не мечтать стать писателем. А именно: на следующий день после получения письма я шел по улице и увидел толстого гражданина, подхваченного на велосипеде к гастроэномическому магазину. Пока он покупал там колбасу, я спрятал его велосипед и уехала,

Всю с собой в корзине петух и курица.

как Джек Лондон, в соседний город, где продал его за 150 руб. Классиков изучи аккуратно: каждое утро опускаю ноги в холодную воду и, хотя от этого у меня постоянный насморк, но от Шиллера я не отстану. Жду постоянно гнилые яблоки. Все времена, кроме Толстого, вожу с собою в корзине петуха и курицы. Средства к существованию добываю сам: где велосипед, а где и чемодан.

И вот уже два месяца я веду такой образ жизни. Эта поэтическая жизнь мне очень нравится, буду и дальше продолжать. Вот только кофе не всегда пью, совсем отстал от Бальзака, боюсь, что это может отрицательно отразиться на моем творчестве. Я выполню ваши советы точно.

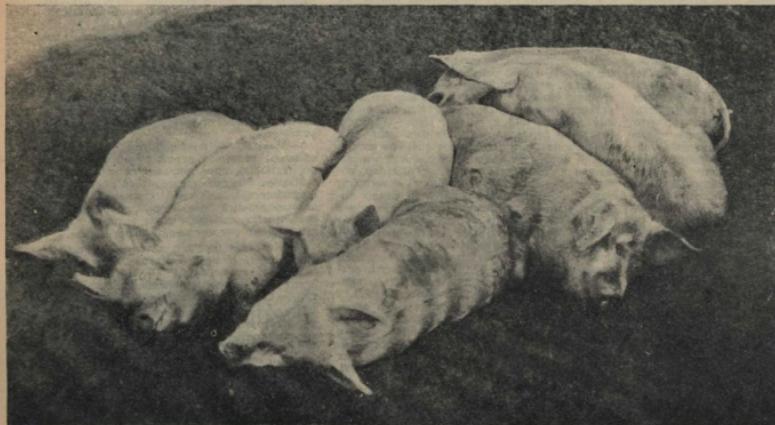
Напишите, когда я могу приехать в Москву и зачесаться в писателя?

Егор Конобабьев.

Я всегда старалась быть одиночкой и людей избегала.

Колхозный СССР

1) «Колхозное поле уничтожило межи.

2) Колхоз сеет чистосортными семенами.

3 и 4) Колхозы дают городу мясо и молоко.

ТЫСЯЧНИКИ

Ив. Киселев

«Тычики в кубической степени»

Они пришли с заводов — от станков, машин, от типографских касс и сели за парты. Сменили сверло, ключ, верстак на алгебру, физику, синтаксис. Краястые, молодые руки непривычно поворачивают склонные угольники; окаменелые морщинистые глаза с любопытством всматриваются в латинские знаки.

— «Тычики?»

— Да, «тычики». Они не зря носят отличное от других учащихся назначение. Это название не только говорит о том, что здесь собирались лучшие представители рабочего класса, уже поработавшие у станков и машин, с жизненными багажом, с богатым революционным прошлым. Но и «тычики» вовсе не в прошлости. Время — период вместе со словами птицетка, радионапицания, тракторостроения, колхоза, союза и т. д. Оно тесно связано с бурящимися темпами социалистического строительства. «Тычики» — это новый революционный темп в учебе. Невиданный темп, негаданный.

Пусть посмотрят булавки, баранки, «зелёные» и «жёлтые» прокладки, учение учится и познавать вашу науку, на «тычики». Представители булавки считают, что рабочий класс не способен к учебе, что он больше имеет склонность к физическому труду, что наука — удел избранных. Белогвардейские кинуки орали о бессловесных большевиках, пророчили, что коммунисты способны лишь к физическому труду, разрушать страну, им под силу. Ошибайтесь, дали осенку. Теперь бита последняя надежда зараженных «булавачников» относительно того, что большевики не сумеют овладеть технической наукой, техническими знаниями, что можно распространять советское хозяйство, не заботясь о создании вредительских организаций.

— Берегите! Эй, кто там еще, нацепил кардру на фуршетку, вставляет клины в шестеренки, кто еще продолжает вредительствовать!..

— Вы говорите темы? Просто непонятно, страницы в пять месяцев окончить среднюю школу, — замечает недоумено растерявшийся педагог на одном из академических заседаний по подготовке московских «тычииков».

Семь лет в свое время сидели люди над алгеброй. С мучительной тоской заузбирали

избранные барчки и дамы разложение на множествах.

Квадрат первого числа плюс удвоенное произведение первого на второе, плюс квадрат второго...

Над изучением корней умудрились просиживать по полгода. Правда, нам корни дают легче, чем как-то кстати их изучение, мы вместе с алгебраическими корнями извлекли из памяти геометрические корни в нашей стране. Нам некогда задерживаться. Темы в строительстве, темы в промышленности требуют темпов в учебе.

— Ну, и неучами выйдете, как можно в пять месяцев пройти среднюю школу! — замечает мастер. Слов нет, обязательство не понято это, он не может оспорить ни наших темпов, ни качества обучения, ни наших темпов в учебе. Он сам просит 10—15 лет за партой и сейчас еще не умеет обяснить ни одного физического закона, отсылая все недоумевшие вопросы к книге. А ведь, это он, обязательств, а ведь, это он, сын почетного, а где уж там рабочим.

«Тычики» берут невиданные темпы, не торопят по количеству, но по качеству. Вот беспартийный отрыв один из преподавателей курсов «тычииков».

«Наша программа сверхударная. Казалось, нет никакой надежды, что люди сумеют переварить ее. К тому же многие пришли, не зная арифметики, не зная простых орфографии. Но вот пришли эти наши люди...»

Когда-то-то-ко-то берутся они за учебу. Членко берутся. Чинто берутся. Чинто не берутся. Чинто не берутся на веру. Отбрасывают все, что непонятно, и заполняют сотнями вопросов.

А последнее время учебы, когда мы подошли к середине алгебры и геометрии, обнаружились большие способности к восприятию у большинства слушателей. Стало понятно, что эти люди способны к обучению.

Этот отрыв преподавателя глубоко правдив. Несомненно, что «тычики» с большим успехом усваивают программы средней школы, нежели это делали гимназисты, ребята, семинаристы, другие «исты» и пр.

Конечно, это нельзя доказать. Но и здесь требуется доказательство, что это возможно.

Вся московская «тычица» разбита сейчас на группы и занимается при московских рабфаках. При рабфаке им. Артема в трех группах учатся замоскворецкие коммунисты.

На линейных курсах занимается 70 человек. Абсолютное большинство — рабочие от станка. Родила, крепкая молодежь, уходящая из комсомола. Есть, правда, и комсомольцы, но есть и пожилые, почтенные, обремененные семьей товарищи.

— Конечно, семья мешает. Дети не дают заниматься, — замечает печатник Елисеев, отслуживший в армии по мобилизации.

Не выход на работу. Их не сделают, чтобы и семья не мешала и не было отставших.

Каждая учебная группа разбита на brigads человека по 3-4. Там сильные помогают слабым — выравнивают группу. Между группами и brigadами развернулось широкое соревнование. Ведется точный учет успеваемости. Задачи brigads в рабочих и линейных кабинках решаются от шумящих детей, спящими присумос.

Дисциплина на курсах серьезная, распространяется на заводской. Оппозиция, не побывает, еще раз, пропши, тогда пени на себя. Пропуск со временем нет, якобы стопорные.

Роман в 8 часов затихает шум, пустуют коридоры — и все по местам, по партам.

Секреты физики

Утромкий, как и всегда, с обросшим лицом «физик», не снимая, неизвестно почему, шапки, садится за стол и начинает перелистывать маленьенькую, черную записную книжку.

Группа настороживается. Каждый ждет, что назовут его фамилию. Некоторые нервно, настороженно просматривают заданное на дном.

— Макеев — полупотопом проносится «физик», закрывающей левой рукой ухо (видимо, больное), прохаживается по классу.

Макеев, бывший председатель московского шефбюро, рабочий-выдвиженец, теперь, вероятно, вновь рабочий, сидит, опираясь на кусок мела, спокойно стоит у доски и ждет дальнейших распоряжений «начальства».

— Железная балка при температуре 0° Ц имела длину 15 метров. Какой длины станет балка при температуре 500° Ц, если коэффициент линейного расширения ее 0,000012 метра, — диктует преподаватель.

Председатель шефбюро, пугая, видимо, бесконечное число физических формул и тычики прошедшие недавно перед его глазами собраний, совещаний, рабочих бригад, рабочих членов на доске.

Но эту задачу преподаватель, и Макеев, роняя мел, уже другим куском исправляет ошибку и деление заменяет умножением. Итак, один за одним подходят к доске, пока более робко, нежели на собраниях, излагают новые для себя мысли, разгадывают в каждой букве, даже в еще незнанной, латинской букве, подлинное значение.

А когда кончится урок, обсыпают «тычики» доску. Растекаются во все стороны мел. Черные буквы, формулы, исчезают со штукатурки дополнительной ошибкой. Егоров, щупая, просит принять заявление об ошибке, которую он допустил, и считать, что он стоит на «генеральной линии» закона Бойля-Мариотта, а также не возражает против «консолидации» сил физических законов, в частности согласия с обобщением законов Мариотта и Г-Люссака.

Быстро, быстрее, зам. зав. прогрессом района на линии «тычицы» высчитывает, на сколько бы увеличились рельсы во всем Советском Союзе, если бы температура поднялась до 100°.

— Ну, что ты, эршик, что я, проглот? Что долго так? На сколько километров?

— Во-первых, я проглотил колбасу, а во-вторых, если бы я глотал линейные меры, то скорей бы проглотил метр с лишним, а в-третьих, при 100° температуре наши железные дороги удлинились бы на 18 километров, — отвечает рабочий.

— Мало, — замечают соседи.

Студенты тычики во время перерыва между лекциями.

— Тебе все мало, сам посчитай, сколько линий — сантиметров больше, ведь коэффициент линейного расширения стал 0,000001.

Неудовлетворенность существующим, желание улучшить быт и быстрее, — это заставить за быстро вадушии перегородку обогнавшего отчаянную черту «тысячников» вообще. Вот зверя на курсовом собрании обсуждались выполнения учебной программы. И здесь раздавались голоса: «мало, мало».

— Третья группа подошла только к «кроссикам». По геометрии еще не начали подобные треугольники, отстает по физике, — доказывает староста.

— Мало на дом дают.

Не спеша поворачивается преподаватель:

— А сколько в среднем задач приходится по математике в день? — задает вопрос за учебной частью.

— Десять-двенадцать, — слышится ответ.

— А мы решаем по двадцать-тридцать, — дополняет картину представитель другой группы.

Собрание решает: усилить темы. Прибавить два часа математики. Несколько перестроить программу по русскому языку, обрасти ее краткими текстами.

Другую, колхозную группу, которую изучают рабоче-коммунисты, Несколько темами одолевают точные науки, вооружаются техническими знаниями. Употребляют все усилия, все свои способности. Пять месяцев одолеть среднюю школу, шутка ли? А с каким жаром, с каким преданностью дела, выходит всякая новая формула, каждое новое понятие.

Надо только обеспечить тысячникам нормальные условия для учебы.

И если будут обеспечены все необходимые условия, то, вероятно, то, что «тысячники» и в путь пойдут, потому что в твоей учебе, будут способствовать перспективе наших вузов, ускорят сроки обучения. А если нужно будет через год, через два сменить книгу на антитоку, то, даже не окончив вузу, эти «тысячники» смогут гарантировать партии от измены, от вредительства на заводах, которое особенно может оказаться вредным именно в военное время.

ВОСЬМИЖИЛЬНЫЕ

Н. Калмык

Их было четверо: татарин Акбасев, Саша Некрасова — бывшая работница из ИвановоВознесенска, Николай Шварц — представитель одного из тагильских заводов, и Петя Мургин — самый молодой, почти мальчик, пришедший в вуз прямо с производства.

Быстро, почти залом, Акбасев читал:

— Играет квадрат равен двум по инс.

Воззим, ребята, эту формулу парыбыль.

— Ничего же не поделешь, — вздохнула Саша, — придется для разговора с народом (изказала на меня) называть по наряду, а то некогда.

В самом деле, ребятам было некогда: это становилось ясным вскоре пришедшему в общежитие Горной академии. И всякий бы сконфузился от такого Сашинского заявления. Но слишком хотелось поближе познакомиться с жизнью «тысячика», поэтому и остались.

Первой по наряду была Некрасова. Она откинула белесые волосы со щек, налила себе стакан крепкого чаю и, возив в мене ржавые, упорные глаза, сказала:

— Самое драгоценное у нас — время. Дорого, как жизнь. Поэтому гляди в об и спина!

Городской милиции задымленная команда. На стене висел вы挂在ный откуда-то из журнала портрет Ленина, на стеле высилась пристенная горка книг и тетрадей. Здесь жили и «грязли гранит» трое из тысячи, из которых стояли славных, которых осенне прошлого года вились в наши технические вузы.

Когда еще только начинали говорить об ударниках на производстве «тысячники» обзванивали себя учителями, учителями в вузах. Затем, чтобы сократить срок обучения в вуз, дать государству на полтора-два года раньше законченных специалистов.

Над ними смеялись, обзывали сумасшедшими, говорили, что это невозможн. А теперь по нашему примеру перекрывают всю программу. И правда, мы делаем весь предметный падь четырехлетним, так неужели же не можем вступить в три года вузов?

«Первая ласточка не делает весны» — говорят пословицы. А вот первая же ударная группа «тысячников» породила целые десетки таких же ударных групп в своем и в других вузах.

— Мы повели жестокую войну с костяностью наших вузов, — говорит Шварц, сузящийся, шабло взломающим паренес. И в каждой из них, — завершает он свой разномыслие, — такие же выбор нужно создать и при каждом вузе. Учебные планы растянуты, надо их разноанизировать, скатать, уплотнить. Студенты сидят годами в вузах, мешая учиться другим, ничего не делая. В наше время не должно быть этих «вечных студентов» — бородатых дядечек, имеющих уже внуков. На производстве ведется борьба с потолками, и же борьба в вузах, но там вузов особенно технических. Ни одного часа, пограниченного зра, попусту на учебной скамье! Темп, темп и еще раз темп — вот наш лозунг!

«Тысячники» забудоражили весь вуз. Помилуйте, курс рассчитан на шесть лет, половина студентов проходит его от восеми до девяти лет, а тут вдруг явилась куча сумасбродов, которая диктует своим законы и ходят стоя на кончиках пальцев голени. Несмотря на фантастично! Седые, заветневшие в науке профессора замахали руками, но тут их постиг неожиданный удар: «тысячники» почтальоннейше приглашали профессору и всех преподавателей факультета на специальное совещание для пересмотра учебного плана.

Эти дерзкие парни взяли всех «на цугцуг». Придирчиво и прижимисто, как какие-нибудь зажигательно-революционные ссыльные, разработали программу учебы, выгнали, аконом и торгуясь буквально из-за каждого часа.

— Да вы поймите, нам некогда, понимаете — некогда! — надрываясь, убеждала

Саша Некрасова какого-то старичка-профессора.

Вышло, что по новому плану можно как-дым курс уложить в шесть с половиной месяцев.

— Тот старичок-профессор с горя даже слег, никак не ожидал такого результата, — сказал рассказчик. — Петя Мургин, ребята, эту формулу парыбыль.

— Ничего же не поделешь, — вздохнула Саша, — придется для разговора с народом (изказала на меня) называть по наряду, а то некогда.

Вы кем-нибудь уже законтрактованы? — спрашивали неубодимо.

— Мы то? — Давным-давно, — отвечают, ухмыляясь.

— Каким же, каким учреждением? Надолго ли?

— Партии мы законтрактованы, товарищ, — взорвутимо обясняет Шварц, законтрактованы давно и на всегда.

Было время — обнимала, А теперя отсталла. Говорит мне: «До свидания, У меня соревнования».

Свежий мужской голос поет частушку. — Кости, перестань, и сам не работашь, и другие мешаша, — слышится строгий окрик.

Эх, жизнь! — шумно вздыхает Коты, — учимся по восемнадцать часов в сутки, даже частушку пропеть некогда. Вот так комбинация!

Над тетрадками, хранившими тайны иксов и итерков, склонились семья упорных, семь молодых голов «тысячников» Химико-технологического института им. Менделеева.

Эта группа «тысячников» едва вступив в вуз, в таком обиженном виде, убралась с пологийной дома, заключить в три года.

На три года эти люди стали «отельными камнями учебы», как, смесь, прозвали они сами себя. На три года они добровольно отказались от всех развлечений, которыми обычно пользуются молодежь. Мимо идет старый горячий огонь и театров шумят большими горами, а небольшие аудитории Менделеевского института, похожи на затерянный посреди окраин острог, где кучка смешаков остервенело грызет науку.

Знакомимся. Вот Кроль — ответственный партработник, с серыми насыщенным и усталыми глазами; вот Степанова — длиннозубая, стрижена, бывшая семья лет заведующий отделом работы в Бородецке; и Осинская — кроткая, круглая, веселая — директор Ярославского химического завода. Раз в декаду он вынужден прерывать учебу и ездить в Ярославль на завод.

— Мы искали сюда с жизнью, начиная с работы. Поневоле нас испугало пятилетнее сидение в вузу. Неужели мы не сможем одолеть всю премудрость в три года? Сможем. Не верить в темы теперь нельзя!

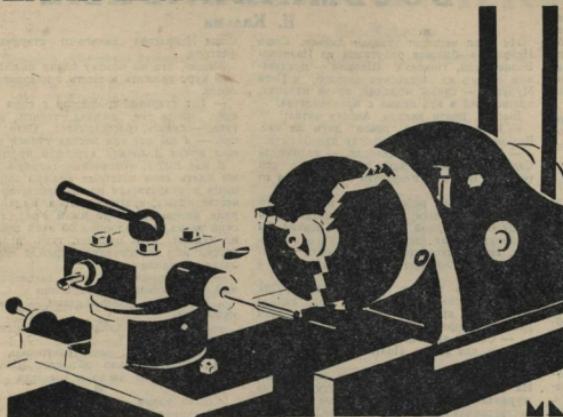
Не думайте что, «тысячники» поставили в вузские бытовые условия «столова, мол, учишь». Кроль живет в крохотной каморке над столовой, к вечеру температура в его комнате нагревается до 30°, и сырой белесый пар проникает во все поры. Степанова живет в Чекиеве, и для того, чтобы попасть к 8 часам утра в аудиторию Менделеевки, на Миусской площади, ей приходится встать в 5½ час. утра. Принимая ванну, что она кончала с учебой в 12 ч. ночи и еще спортивняла на сон грядущего — этого самого сна становится мало.

— Ничего, мы — восьмижильные, — ухмыляется «семерка».

Тов. Максимов, слесарь ст. Сортировочной, получает командировку в вуз.

“ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА”— ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „СМЕНЫ“

Фамилии участников конкурса „Техническая грамота“

1. Шерман (Москва), 2. Ситягин (Москва), 3. Садовский (Москва), 4. Горбунов (Самара), 5. Березовский (Ижевск), 6. Островский (ст. Рубежен), 7. Тимидов (Киев), 8. Кулаков (Москва), 9. Карапетян (Казань), 10. Санько (Москва), 11. Губе (Киев), 12. Тарафарев (Вознесенск), 13. Колеев (Баку), 14. Евранинова (Сухум), 15. Аллынер (Харьков), 16. Плакатов (Лугansk), 17. Кречековский (Плоское), 18. Пасченко (Тифлис), 19. Беляевский (Севастополь), 20. Халтурин (Надеждинск), 21. Амен-

лин (Москва), 22. Жерзев (Москва), 23. Юшков (Киев), 24. Лопатин (Шуя), 25. Корыгин (Ленинград), 26. Ариага (Одесса), 27. Пульнер (Баку), 28. Мисак (Констант), 29. Маштрава (Новочеркасск), 30. Гольберг (Москва), 31. Ракодев (Таганрог), 32. Тимченко (Донбасс), 33. Рубинштейн (Ковров), 34. Кац (Бердичев), 35. Владимира (Мариуполь), 36. Аппель (Ленинград), 37. Богацкий (Томск), 38. Клаец (с. Вятское), 39. Шемякин (Лубенка), 40. Лаволеук (Москва), 41. Савельев (Кузнецк).

ШАШКИ

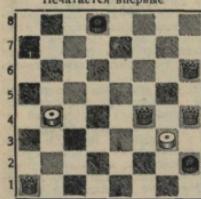
Под редакцией В. В. Медкова

4-й конкурс решений задач и этюдов

Задача № 3

В. Е. Педъко (Горловка)

Печатается впервые

Белые: Д. а1, f4, b4, h5; пр. b4, g3 (0)
Черные: пр. d8, h2 (2)
Белые начинают и запирают простую черных.

Этюд № 5

М. С. Мельцин (Харьков)

Посвящается В. И. Шошину

Печатается впервые

Белые: Д. h2; пр. a8, a7, d2 (4)
Черные: Д. b8; пр. b4, c5 (3)
Белые начинают и выигрывают.

42. Духовский (Винница), 43. Курасов (Самара), 44. Макукин (Оренбург), 45. Смирнов (Саратов), 46. Степанов, Шершев и Чесноков (Новые Горки), 47. Межжид (Одесса), 48. Ококин (Мурман), 49. Губров (Тула), 50. Детков (Волгоградская), 51. Клименко (В Устье), 52. Нархов (Тамбов), 53. Айзин (Киев), 54. Басаков (Ношко), 55. Машков, Тимошенко, Шмелев и Яльков (Воронеж).
Просьба ко всем товарищам при переписке с отделом “Техническая грамота” рядом со своей фамилией ставить присвоенный им номер учетной карточки — это облегчит зачет очков и выполнение всех возникавших в процессе работы вопросов.

Решения 2-го конкурса задач и этюдов („Смена“, 1929 г.)

Задача № 3 М. Рабиновича.
(Белье: Д. a8, g7; пр. c1, c8, e8, e5. Черные: пр. g5, h4. Заперьт пристроем)

1. . . . a8—d4 g5—f1 (A) 2. e5 : g7
3. b6—ab 4. ab—b4 и т. д. (b2—b2) A
4. . . . h4—g3 2. e5—g7 (b2—b2) A
5. . . . h4 и g7 (2)

Как указал Н. Н. Солинов (Москва), задача целиком взята из “Ними” за 1914 г., и действительным автором ее является А. С. Чернов. Очень жаль, что по достоверности по-

Ответы на 2-ю серию задач

МЕТАЛЛ

1) Не показаны паропроводы с правой стороны цилиндра, по которым происходит выпуск и выпуск пара, 2) слишком велико кривошип.

Ответы на 3-ю серию задач

Т-проект

Шарик, попав на нижний колесо, будет находиться под действием двух сил: силы тяжести и силы магнитного притяжения. Последняя, действуя противоположную сторону, настолько велика, что он будет катиться очень медленно и не наберет скорости, необходимой для поднятия по закрученному зону.

2-й проект

Потому, что фитили, подняв масло вверх, будут его удерживать в себе. Даже если допустить, что жидкость все же попадет в верхний сосуд благодаря фитилим, то надо признать, что тут же фитили опустятся, оставив в нижней сосуд.

Ответы на 4-ю серию задач

Бесплатный двигатель

Стержень А, укорачиваясь, втягивает с собой стержень B, который втягивает стержень C. Стержень C, в свою очередь, втягивает стержень D, который втягивает стержень E. Так как же это происходит? Потому что втягивание происходит постоянно волзуха, вызываемое тем, что длиннее стержень, будет искривляться по направлению к короткому. И так, пока стержень A не дойдет до конца, движение происходит за счет тепловых колебаний волзуха.

Испорченный звонок

Нормально звонок имеет одинаковую частоту колебаний. Ее склоняют на движение тона по обмоткам с торцовой части, то же в звонке происходит наоборот: стержень, имеющий большую массу, втягивается в ту же сторону, в которую движется стержень, имеющий меньшую массу. Для исправления ошибки нужно переставить один из катушек.

мечты в своем отеле подобный пластилин, в чём впоследствии со-
знался и сам автор (!).
Этюд № 5 В. Н. Севастянова.
(Белье: Д. a8, g7; пр. c1, c8, e8, e5. Черные: пр. g5, h4. Заперьт пристроем)
1. . . . f3—f4 c8—al (если 1. . . . c8—b4
2. f4: d6 b4 : a5—b4 и т. д. (b2—b2) A
3. b4—ab 4. ab—b4 и т. д. (b2—b2) A
4. . . . h4—g3 2. e5—g7 (b2—b2) A
5. . . . h4 и g7 (2)
Как указал Н. Н. Солинов (Москва), задача целиком взята из “Ними” за 1914 г., и действительным автором ее является А. С. Чернов. Очень жаль, что по достоверности по-

Задача и этюд “Сени Рябова”, помещенные в № 5. Смены”, также входят в 4-й конкурс решений.

ТАЛОН № 3 на поездку в РКН флот

В очередных №№ „Смены“ будут напечатаны еще 3 талона. Меняю приславшим в редакцию все 6 талонов будут разыграны 20 поездок за счет редакции в гости к краснофлотцам в Балтийское и Черное моря.

Все шесть талонов пришли в „Смену“

ГОСТИ К КРАСНОФЛОТЦАМ

БАЛТИЙСКОЕ И ЧЕРНОЕ МОРЯ

Непременно—выпиши „СМЕНУ“ И без лишних слов—приобрести „БОРЬБУ МИРОВ“

Что же представляют собой „Смена“ и „Борьба миров“?

«Смена» — иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический массовый журнал рабочей молодежи «Смены» — боевой орган Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ.

Курьера «Смены» ходят ежемесячно на 20 страницах большого формата с короткой бумагой с зернистой обложкой.

«Борьба миров» — приложение к «Смене». Это ежемесячный журнал революционной романтики, путешествий и открытий, научной фантастики и изобретений, художественной пропаганды генерального плана.

«Борьба миров» — иллюстрированные сборники остро-сюжетных рассказов, занимательных очерков, увлекательных романов и повестей.

УЧЕБНИКИ «СМЕНЫ» И «БОРЬБЫ МИРОВ»

«Смена» станет перед собой следующие задачи: организовать пролетарскую молодежь для лучшего участия в социалистическом строительстве и для борьбы за революционные темы реконструкции; воспитывать своих читателей в духе памятной ненависти к классовым врагам, и непримиримости ко всемяким узлодоям из ленинских линий партии; помочь подрастающему поколению молодых большевиков в деле выработки твердого марксистско-ленинского мировоззрения и осмысливания глубоких исторических процессов; помочь в формировании и развивать чувство гражданской гордости; воспитывать нас процессом мышления, воли, впечатлений и чувств; помочь в выработке наиболее действенного и эффективного наимума на вылияниях участия социалистического строительства и для ликвидации хозяйственных прорывов; бороться с наращиванием классовой линии в быту, литературе, искусстве и комсомольской работе; выявлять и распять новых молодых пролетарских писателей и поэтов, скрипторов и художников; обединять вокруг себя читательские массы для совместного обсуждения наиболее интересных проблем социализма.

«Борьба миров» председает следующие цели: показать величие и красоту переживаемой нами эпохи; разъяснить читателю путь к знанию логики и оструту классовой борьбы; воспитывать в молодежи чувство герояического настоящего; развернуть передней увлекательные страницы роста стран строителю социализма и ее близлежащих перспектив; набросить на основе подлинно научных представлений наметки будущего бесклассового общества; зачесть молодежь огнем классовой борьбы и социалистического труда.

Установка обоих журналов — на воспитание смысла классового выздраживания, идеологических установок, смиренной на мистикой и не боящейся трудностей, равно чуждой оппортунистической трусости и мимо-революционного авантюризма, алчоров, бодрой и энергичной, работающей бешеным большевистским темпом над осуществлением притяжки и генерального плана, умело разбирающейся в диалектике происходящих событий и противоречий роста, противостоящую индивидуалистическому героизму одиночки, выступающей в роли коллектива, всегда и везде — в любую минуту своей жизни в любом углу земного шара — оставшейся комсомольской, ленинской.

В 1930 году в сотрудничестве в «Смене» и в «Борьбе миров» привлечены следующие поэты, писатели, очерксты и художники:

Д. Альгусин Н Асеев З Багрицкий А Базылевский Н Богданова Н Владимировский Б Галин А Гарри М Годолинский Б Горбатов Б Громов П Гугушев В Гусев А Дейнека Н Дементьев В Дмитриев М Добровольский К Елисев Б Ефимов А Жаров М Запла Я Ильин А Исаев И Катев В Кинг Г Киш С Кирсанов М Колесов Ю Либердинский В Луговской В Люшин Ф Мар-

лов В Малковский И Молчанов Н Овалов Д Петровский М Платошкин И Рашилло Б Рингов З Рихтер М Розенфельд Б Саянов М Светлов В Соболевский Ч Ставский Е Стровский А Сурков А Тихонов Н Тихонов А Том И Уткин И Ушаков И Финин З Чаган Л Черняк М Шагинян Я Швардов М Шлопков

В 1930 году «Смена» берет решительный курс на пролетарскую литературу, работает в контакте с ВАППом и черная свеча силы в рабочих литературных пружках.

В 1930 году «Смена» принимает активное участие в развертывающемся широком изобразовском и фотокоролевском движении, также связанных с изо- и фотокоролевскими рабочими кружками. В 1930 году «Смена» уделяет значительное внимание вопросам комсомольской и юношеской политической работы, давая им свою страницу места именами между отдельными бывальщины и производственными помнушками.

В 1930 году «Смена» разворачивает широкую массовую работу со своими читателями, организуя ежемесячные читательские конференции в крупнейших пролетарских центрах СССР, открытые ряд бесплатных консультаций по вопросам быта, литературы и искусства.

Вся массовая работа проводится под руководством избранных на предыдущих работах редакторов.

В 1930 году «Смена» открывает клуб радиолюбителей «Смены», в котором принимаются все читатели, внесшие какое-либо предложение об улучшении журнала и помогавшие его распространению; члены клуба за свои предложения премируются новыми книгами.

В 1930 году на страницах «Смены» будет проведен ряд диспутов по наиболее живетрепещущим и волнующим рабочую молодежь темам.

В 1930 году на страницах «Смены» начнется коллективный роман шести молодых писателей с поэтом: В. Дмитриев, М. Светлов, В. Кана, М. Колосова, И. Капаса.

В 1930 году на страницах «Смены» будет напечатан ряд новых полезных, интересных и занимательных игр: среди других — игра «Техническая грамота», способствующая поднятию технического уровня читателей.

В 1930 году «Смена» значительно расширяет отдел «Физкультура и спорт» и вводит новый отдел «Пролетарский туризм».

ЧИТАЙТЕ подробные проспекты «Смены» и «Борьбы миров»
ВЫПЫСЫВАЙТЕ ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ «СМЕНУ»!

Условия подписки на оба журнала:

I. На «Смену» без «Борьбы миров» и «Библиотеки Смены»: на 1 мес.—30 коп., на 3 мес.—45 коп., на 6 мес.—1 руб. 60 коп., на 9 мес.—2 руб. 45 коп.

II. На «Омегу» с «Борьбой миров» без «Библиотеки Смены»: на 1 мес.—70 коп., на 3 мес.—1 руб. 95 коп., на 6 мес.—3 руб. 70 коп., на 9 мес.—5 руб. 65 коп.

III. На «Смену» с «Борьбой миров» и «Библиотекой Смены»: на 1 мес.—94 коп., на 3 мес.—2 руб. 60 коп., на 6 мес.—4 руб. 90 коп.

Подписаться можно: 1) по адресу: Москва, Центр, Новая площадь, 6/8, «Молодая Гвардия»; 2) в отделениях издательства «Молодая Гвардия»; 3) во всех почтово-телеграфных отделениях; 4) у всех письмоносец.

НЕПРЕМЕННО—ВЫПИШИ «СМЕНУ»

